Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика.

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

КОММУНИСТЫ ЗАПАДА О СОВѢТСКОЙ РОССІИ.

Сборникъ статей Ф. Меринга, К. Цеткинъ, Глашатая въ борьбѣ, А. Балабановой и др. борцовъ революціи на Западѣ.

Цѣна 60 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго
Комитета Совѣтовъ Р., С., К. и К. Депутатовъ
МОСКВА.—1918.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

КОММУНИСТЫ ЗАПАДА О СОВѢТСКОЙ РОССІИ.

Сборникъ статей **Ф. Меринга, К. Цеткинъ, Глашатая въ борьбѣ, А. Балабановой** и др. борцовъ революціи на Западѣ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ Р., С., К. и К. Депутатовъ.
МОСКВА.—1918.

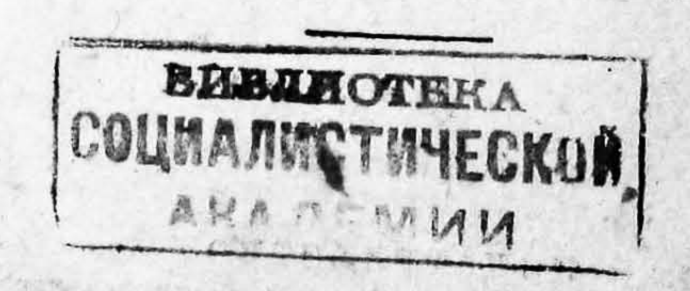
ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Извѣстная голландская революціонная соціалъ-демократка Генріэтта Роландъ-Гольстъ въ статьѣ «Памяти Карла Маркса», помѣщенной въ выходящемъ подъ редакціей А. Гильбо журналѣ «Demain» по случаю столѣтней годовщины со дня рожденія Маркса, посвятила дѣятельности коммунистовъ въ Россіи слѣдующія заключительныя строки:

«Мы, революціонные марксисты, думаемъ, что лучшій способъ почтить память Маркса—это продолжать борьбу за полное освобожденіе рабочихъ массъ тѣми методами, которые настоящая стадія капиталистической эволюціи, т.-е. имперіализмъ, дѣлаетъ возможными и необходимыми. И мы привѣтствуемъ сегодня, какъ настоящихъ представителей марксистскаго духа и стремленій, славныхъ большевиковъ, которымъ ровно черезъ столѣтіе послѣ рожденія Маркса удалось свергнуть классъ эксплуататоровъ Россіи, чтобы уничтожить въ своей странѣ, въ границахъ возможнаго, капиталистическую собственность на орудія производства, источникъ всѣхъ угнетеній, и замѣнить ее коллективной собственностью.

«Мы привѣтствуемъ въ нихъ настоящихъ учениковъ Маркса также и за ихъ международную политику. Лозунгу, провозглашенному около 70 лѣтъ тому назадъ въ «Коммунистическомъ Манифестѣ»: «Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!», они придали новый смыслъ и новую силу своими постоянными призывами къ угнетеннымъ классамъ всего міра присоединиться къ нимъ въ борьбѣ противъ всякаго имперіализма, присоединиться къ нимъ въ пролетарской революціи».

Этими словами тов. Роландъ-Гольстъ мы и открываемъ сборникъ.

Задачи нѣмецкой соціалъ-демократіи.

Если мы хотимъ обозрѣть дѣятельность Совѣтовъ, то мы натыкаемся на одно препятствіе: отрывочность, скудость и сомнительность свѣдѣній, доходящихъ до насъ черезъ русскую границу.

Нечего говорить о бьющихъ въ глаза несообразностяхъ, если даже такой разумный человѣкъ, какъ Герляхъ въ «Welt am Montag» съ возмущеніемъ сообщаетъ о томъ, будто Ленинъ съ «благороднымъ безпристрастіемъ» говорилъ объ «англійскихъ и нѣмецкихъ бандитахъ». Но мы должны признаться, что это насъ не особенно трогаетъ.

Употребилъ ли тов. Ленинъ дѣйствительно такое выраженіе,—этого мы не знаемъ. Самымъ страннымъ кажется намъ то, что людямъ, которые вообще интересуются рѣчами Ленина (а онъ въ послѣднее время много произнесъ рѣчей, изъ которыхъ намъ особенно хотѣлось бы отмѣтить большую рѣчь о строительствѣ соціалистическаго государства), вздумалось искать въ нихъ однихъ только рѣзкихъ и «крѣпкихъ словецъ», словно изюма въ пряникѣ. Во всемъ этомъ слишкомъ ясно проглядываетъ злая воля. Кто безъ предубѣжденія посмотритъ на появляющуюся въ настоящее время въ Россіи революціонную литературу, тотъ вынесетъ какъ разъ противоположное впечатлѣніе и долженъ будетъ констатировать, что эта литература по формѣ отличается отъ литературы прежнихъ революціонныхъ періодовъ (1793, 1830, 1848 и 1871 годовъ) своимъ удивительно сдержаннымъ и дѣловымъ языкомъ.

Мы объ этомъ говоримъ не потому, что пристрастны къ «хорошему тону» и усматриваемъ въ немъ безошибочное мѣрило правоты дѣла. Скорѣе напротивъ! Ни за что мы не отказались бы отъ пламенныхъ революціонныхъ статей, какія писали Марксъ и Энгельсъ въ «Новой Рейнской Газетѣ». Но на все свое время. Не для того, чтобы оправдать Совѣтскую Республику въ глазахъ филистера, а для того, чтобы опредѣлить ея историческое мѣсто, указываемъ мы на свободный отъ всякихъ иллюзій и напыщенности языкъ, которымъ органы этой республики обсуждаютъ стоящія передъ ними задачи. Они при этомъ нисколько не умаляютъ тѣхъ громадныхъ трудностей, которыя имъ приходится преодолѣ-

вать. Но они не страшатся этихъ трудностей, не уклоняются отъ ихъ преодолѣнія пустымъ хвастовствомъ, а неутомимо борются съ ними: «Возможно, что мы не сразу найдемъ правильный способъ, но дѣло должно быть сдѣлано, и мы его сдѣлаемъ». Эта спокойная увѣренность — самая характерная черта Правительства Совѣтской Республики. Она обусловливается не только тѣмъ, что русскіе революціонеры чувствуютъ твердую почву подъ ногами, но также и тѣмъ, что они черпаютъ изъ глубочайшихъ источниковъ соціалистической науки.

Это явленіе совершенно новое въ исторіи революціи. Оно представляетъ изъ себя громадный шагъ впередъ, несмотря на то, что оно, благодаря своему «сухому тону», не особенно по вкусу революціоннымъ романтикамъ.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ войны, благодаря политикѣ правительственныхъ соціалистовъ, мы могли часто задавать себѣ въ отчаяніи вопросъ: не напрасна ли была наша полувѣковая борьба и работа? Но когда мы просматриваемъ статьи, отчеты о дебатахъ и резолюціи въ «Journal Officiel» Парижской Коммуны и сравниваемъ ихъ со статьями, дебатами и рѣшеніями въ Совѣтской Республикѣ, то мы можемъ сказать, что это полстолѣтіе пронеслось надъ головами интернаціональнаго рабочаго движенія не безплодно и не безслѣдно. Оно принесло плодъ, достойный полувѣкового созрѣванія.

Развѣ не ясно само собою, какія задачи возникаютъ теперь передъ нѣмецкой соціалъ-демократіей? Не говоря уже о соціализмѣ, каждый, кто желаетъ не только на словахъ демократическаго мира, долженъ уже потому настойчиво стремиться къ укрѣпленію и сохраненію большевистскаго господства въ Россіи. Все время болтать о такомъ мирѣ и въ то же время рѣзко отмежевываться отъ большевиковъ,—это верхъ той безнадежной растерянности, на которую способны только Шейдеманъ и его свита. **Большевики—единственная русская партія, которая абсолютно гарантируетъ демократическій миръ, единственная партія, искренне и активно борющаяся со всякимъ имперіализмомъ**, съ имперіализмомъ англійскимъ не менѣе, чѣмъ съ германскимъ.

Если большевики удержатся въ Россіи, то этимъ будетъ достигнутъ такой успѣхъ, который примиритъ со всѣми разочарованіями послѣднихъ лѣтъ. Если же они будутъ побѣждены, то останется только мертвецамъ хоронить своихъ мертвецовъ, и въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій объ интернаціональномъ соціализмѣ можно будетъ говорить не иначе, какъ только съ презрѣніемъ.

Францъ Мерингъ.

За большевиковъ.

(Статья Клары Цеткинъ).

Въ то время какъ большевики съ неподражаемой смѣлостью и энергіей продолжаютъ свою работу по укрѣпленію революціи величайшаго историческаго значенія, двигаютъ ее впередъ,—словомъ, дѣлаютъ исторію, и притомъ претворяютъ основы соціализма въ жизнь,—соціалисты другихъ странъ всю свою международную солидарность проявляютъ въ ожесточенной явной и скрытой критикѣ «неразумія», «заблужденія», «ошибки» и «опасности» большевистской тактики.

Не послѣдними являются здѣсь (поскольку я могла замѣтить) и нѣмецкіе соціалисты, критика которыхъ молчала упорно и долго во имя дисциплины, когда «безуміе», «заблужденіе», «ошибки» и «опасности» безпринципной политики большинства и ихъ губительныя послѣдствія для дѣла интернаціональнаго соціализма было очень легко установить.

Право и, больше того, обязанность критики соціалистическаго и революціоннаго дѣйствія неоспоримы. Критика—значитъ изслѣдованіе, освѣщеніе, глубокое стремленіе къ познанію и черезъ это подготовка къ дѣлу. А революція всегда неисчерпаемый источникъ для историческихъ познаній, хотя ихъ уроки усвоиваются массами много медленнѣе, чѣмъ этого требуетъ страстное сердце ея немногихъ передовыхъ бойцовъ. Но мнѣ кажется, что пріемы испробованной до сихъ поръ критики очень мало помогаютъ плодотворному стремленію къ историческому пониманію величайшаго событія нашего времени, и несправедливы по отношенію къ роли нашихъ друзей. Критика преимущественно стоитъ подъ знакомъ симпатіи то къ одной, то къ другой группѣ имперіалистическихъ державъ и обусловленной ими оцѣнкѣ міровой войны, которая сама по себѣ представляетъ революцію, въ рамкахъ которой и совершается русская революція.

Кромѣ всего, она еще окрашена и противоположностью между соціалистическимъ большинствомъ и меньшинствомъ, чувствомъ и стремленіями, которыя неотдѣлимо приносятся въ эту борьбу между ними.

Исторически вполнѣ понятны опасенія, какъ бы послѣдовательныя дѣйствія большевиковъ въ пользу мира, политика, являющаяся однимъ изъ жизненныхъ проявленій и жизненной необходимостью русской революціи, безусловно не повели ближайшимъ образомъ къ военному и политиче-

кому усиленію одной изъ группъ воюющихъ державъ, къ такому усиленію мощи этихъ государствъ, которое несетъ съ собою величайшую угрозу для свободнаго развитія не только Европы, но и всего міра.

И вполнѣ по-человѣчески понятно, какъ мучительно чувствуетъ себя соціалистъ, когда слышитъ, какъ соціалъ-патріоты въ родѣ Лансберга, который вмѣстѣ со всей своей великолѣпной партіей не достоинъ развязать ремней у ногъ русской революціи, завѣрлютъ русскую революцію въ рѣчи на съѣздѣ въ Штутгартѣ:

— Прекрасная дама, мы съ тобой друзья, ты существуешь благодаря покровительству большинства изъ рейхстага.

Нѣмецкая любовь къ миру, выраженная въ резолюціи рейхстага отъ 19 іюля, придала мужество русскимъ революціонерамъ выйти на улицу и свергнуть Керенскаго.

Это же мучительное чувство испытываешь, когда буржуазно-коалиціонный парламентаризированный Филиппъ Шейдеманъ, съ милостиваго соизволенія Парвуса-Гельфанда, благосклонно хлопаетъ русскихъ революціонеровъ по плечу.

Но все же не забудемъ, что послѣдняя дѣйствительная причина длительной опасности для соціализма лежитъ не въ революціонномъ дѣйствіи большевиковъ, не въ мотивахъ ихъ дѣйствія и бездѣйствія, а въ дѣйствіи и бездѣйствіи другихъ. Мы не должны стоять лицомъ къ лицу съ необычайнымъ историческимъ явленіемъ, оставаться въ плѣну минутнаго недовольства мелочами, которыя непріятно дѣйствуютъ на наши нервы. Какъ назвать того, кто вмѣсто преклоненія предъ удивительной красотой Ульмскаго собора сталъ бы возмущаться тѣмъ, что въ нишахъ этого громаднаго зданія пріютились и оставили свои слѣды воробьи.

Независимо отъ этого мнѣ кажется совершенно несвоевременнымъ проявлять международную солидарность въ критикѣ соціалистовъ, которые среди тягчайшаго внутренняго и внѣшняго положенія страны дѣйствуютъ, руководясь соціалистическими принципами, тогда какъ другіе только говорятъ объ этихъ принципахъ. Неумѣстно это тѣмъ болѣе, что неполныя и противорѣчивыя извѣстія о дѣлахъ и событіяхъ въ Россіи едва ли позволяютъ намъ исчерпывающе, полно и обоснованно судить о положеніи дѣлъ въ этой странѣ.

Мы должны ограничиться попыткой выдѣлить нѣсколько крѣпкихъ, руководящихъ нитей того запутаннаго клубка, въ которомъ переплелись любовь и ненависть, страхъ и надежда, и переплели дѣйствительное съ вымысломъ, предположеніями и пожеланіями.

Поэтому у меня нѣтъ ни малѣйшаго желанія преподносить русской революціи какіе-то уроки, входить со старыми учителями русской революціи въ препирательство по поводу того, правильно или неправильно упрекаютъ они большевиковъ, что то или иное рѣшеніе, то или иное дѣйствіе является темнымъ пятномъ на сверкающемъ щитѣ соціализма, зазубриной на копьѣ демократическихъ принциповъ. Въ настоящій историческій часъ употребленіе оружія, мнѣ кажется, важнѣе, чѣмъ «критика» оружія. Революціонная борьба не дѣтская забава. Я удовольствуюсь тѣмъ, что признаю правоту большевиковъ въ двухъ пунктахъ.

Товарищъ Штейнъ считаетъ, что онъ нашелъ послѣдній корень «трагедіи безумія большевистскаго дѣйствія». Русскую революцію 17 г., какъ и революцію 1905 года, ускорила война, «она не можетъ выступить въ своей полной зрѣлости». Пролетаріи, соціалисты всѣхъ странъ могутъ только привѣтствовать большевиковъ за то, что они не связали своей воли къ дѣйствію подобными соображеніями.

Товарищъ Штейнъ затруднился бы привести хотя бы одинъ единственный примѣръ, гдѣ революція въ большомъ государствѣ пришла бы сразу въ пору полной зрѣлости.

Элементарная истина, что революція не можетъ быть единичнымъ актомъ зрѣлости. Это есть цѣлый историческій періодъ, гдѣ «созрѣваніе» происходитъ при ломкѣ старыхъ соціальныхъ и политическихъ образованій въ принципіально измѣнившихся формахъ и нормахъ. Каждая революція при оцѣнкѣ ея съ точки зрѣнія полной зрѣлости всегда, оказывается, приходитъ или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно и никогда «во-время». Революція, наступающая только при «полной своей зрѣлости», можетъ существовать только въ теоріи, но не имѣетъ еще мѣста въ суровой дѣйствительности. Она была бы похожа тогда на такого льва, который самъ себя съѣлъ до хвоста. При «полной зрѣлости» революція сама изживаетъ себя и переходитъ въ эволюцію; принципіально новое, творческое превращается въ далеко дѣйствующую повседневность.

Кромѣ того, гдѣ этотъ критерій «зрѣлости» русской революціи, такъ, чтобъ она могла воплотиться въ жизнь безъ «трагедій и безразсудства революціонеровъ»? Въ томъ ли, чтобы послѣдній русскій мужикъ сталъ пролетаріемъ, зналъ бы наизусть переводъ «Эрфуртской программы» Каутскаго, равно какъ и главное произведеніе меньшевистской литературы и, какъ аттестатъ своей зрѣлости, представилъ бы квитанцію со штемпелемъ, что онъ уплатилъ свой послѣдній взносъ въ организацію? Большевики принуждены были бы прекратить тогда всю свою революціонную работу,

свести ее къ нулю, ожидая, пока революція въ «полной зрѣлости и красотѣ» явится въ бронѣ и полномъ оружіи, какъ Паллада изъ головы Юпитера.

Энгельсъ на остроумныя и глубокомысленныя метафизическія разсужденія о дѣйствительности вещей превосходно отвѣтилъ простой англійской пословицей:

— Оправданіе пудинга въ томъ, что онъ будетъ съѣденъ.

Слѣдуя такому же ходу мысли, большевики могутъ заявить всѣмъ своимъ критикамъ:

— Историческое оправданіе права на гордое участіе этой партіи въ революціи уже выражено въ прекрасныхъ стихахъ Карла Шнителера въ его «Олимпійской веснѣ». Апполонъ-открыватель, стоящій, какъ побѣдитель передъ желанной, искомой и завоеванной имъ новой страной, привѣтствуется слѣдующими словами:

— Тройной, о Аполлонъ, вѣнецъ твоей славы. Ты повѣрилъ, ты доказалъ, что въ тебѣ живетъ благородство. Ты пожелалъ, тебя укрѣпляетъ геройство, ты смогъ и тебя избрали изъ тысячъ.

Мнѣ почти кажется, что у многихъ изъ тѣхъ, кто порицаетъ большевиковъ за «несвоевременность» ихъ дѣйствія, за то, что они не ожидали «полной зрѣлости» революціи, имѣется простое стремленіе заглушить сознаніе упрека, что большевики вообще дѣйствовали, революціонно дѣйствовали, тогда какъ они и всѣ другіе только взвѣшивали, рѣшали и заклинали, революціонно дѣйствовали, когда другіе продавали право революціоннаго первородства пролетаріата за чечевичную похлебку буржуазныхъ уступокъ и одолженій.

У Шиллера Валленштейнъ, этотъ политикъ высокаго стиля, говоритъ:

— Человѣкъ сдѣланъ изъ обычнаго, и привычку называетъ онъ своей нянькой.

Въ нашемъ случаѣ это «обычное» — все обывательское, повседневное, привычки долгаго мирнаго эволюціоннаго періода, которыя настолько угасили смѣлость и дерзость духа, сердца сдѣлали дряблыми, довольствующимися малымъ, что они не смѣютъ чувствовать и мыслить великаго историческаго праздника, дня воскресенія революціи. Послѣдняя фаза революціи въ Россіи наступила вопреки ихъ схемѣ, протекаетъ вопреки схемѣ, идетъ и проходитъ и дальше вопреки ей.

Еще одна группа обвиненій, выдвинутыхъ противъ большевиковъ, требуетъ возраженія.

Большевики, — такъ злятся или боятся ихъ противники, — являются невольными разрушителями, а не спасителями русской революціи, они — дерзкіе до безумія игроки, ставя-

щіе «ва-банкъ» на принципы соціализма, а не слуги соціализма, выполнители соціалистическихъ заданій.

Своей политикой они ведутъ революцію къ смертельному пораженію, безсмысленно и беззастѣнчиво распыляя революціонныя силы, компрометируя идеалы соціализма. Они, видите ли, разбили «священное единство» революціонной демократіи и сдѣлали невозможнымъ единый общій блокъ всѣхъ соціалистическихъ партій къ борьбѣ за революцію.

На мѣсто диктатуры пролетаріата, диктатуры рабочаго народа они поставили терроръ фанатической секты, незначительнаго меньшинства! Ихъ практика—худшій видъ злоупотребленія демократическими принципами, роковые и преждевременные эксперименты съ соціалистическими требованіями!

Да, конечно, большевики взорвали «священное единство» революціонной демократіи, но они должны были взорвать это единство, если хотѣли спасти революцію, желали дать ей свободно исчерпать всѣ ея возможности, «единство революціонной демократіи», идущее отъ Чхеидзе, Церетелли и Чернова къ Керенскому и Плеханову, а отъ нихъ—до князя Львова; «единство», связывавшее соціалистовъ съ кадетами, при дальнѣйшемъ теченіи революціи становилось все больше и больше препятствіемъ для нея, грозой ея существованію. Еще того хуже: позади единства стояла еще скрытая гроза военной диктатуры, будь она въ генеральскихъ погонахъ Корнилова или въ столичномъ гражданскомъ сюртукѣ Керенскаго. Военная диктатура—вѣрный конецъ революціи. Не забудемъ, что революція съ первыхъ дней не была долгожданнымъ сыномъ кадетовъ и другихъ буржуазныхъ демократовъ, но еле терпимой ими и подозрѣваемой дочерью улицы. Правое крыло «единой» русской демократіи предпочло бы—и событія это доказали—легкій государственный переворотъ буйной революціи.

«Священное» единство революціонной демократіи выполнило свою историческую задачу—мобилизовать и объединить всѣ силы, стремившіяся къ сверженію царизма. Отъ другихъ, болѣе крупныхъ, задачъ оно должно было отказаться—перестроить расползающееся по всѣмъ швамъ, подъ вліяніемъ войны и ея послѣдствій, русское общество и перестроить его на совершенно новыхъ основахъ и вполнѣ сознательно и послѣдовательно направить возрожденіе общественной жизни въ соціалистическомъ строѣ.

Такова была задача, поставленная революціи въ Россіи, вовлеченной въ Мальштремъ капитализма и раздираемой классовыми противорѣчіями буржуазнаго общества, въ Россіи, гдѣ велась терпѣливая, упорная и героическая соціалистическая пропаганда, принесшая свои плоды, среди промыш-

леннаго пролетаріата, цвѣтъ котораго носилъ въ душѣ ученіе научнаго соціализма съ пыломъ религіознаго энтузіазма; въ Россіи, гдѣ большая часть пролетаризированнаго мелкаго крестьянства, вслѣдствіе своего жалкаго положенія, была революціонно настроена и воспріимчива къ соціализму, благодаря пережиткамъ первобытнаго коммунизма въ долголѣтней самоотверженной агитаціи соціалистовъ—революціонныхъ народниковъ.

По существу дѣла революція должна была носить двоякій характеръ: въ буржуазно-политической скорлупѣ она должна была нести пролетарско-соціалистическое зерно. Если первая фаза русской революціи, какъ мнѣ кажется, только могла, и должна была, итти подъ знакомъ единства русской революціонной демократіи, то дальнѣйшее развитіе революціи должно было перейти въ самостоятельную пролетарскую классовую борьбу, въ диктатуру пролетаріата или, точнѣе, трудового народа.

Такъ какъ рабочіе крестьяне и ихъ сыновья въ военной формѣ представляли штурмовыя колонны революціи, то естественно, что ихъ политическія, хозяйственныя и соціальныя требованія выдвинулись на передній планъ, требуя осуществленія. Единство русской демократіи обозначало въ теоріи ея сторонниковъ гармонію, примиреніе классовъ, а на практикѣ это было просто революціонно-разукрашенное и болтливое господство буржуазіи, которое быстро начало превращаться въ буржуазный терроризмъ. Вмѣстѣ съ кадетами или безъ нихъ, временныя правительства все время оставались въ конечномъ счетѣ управителями буржуазныхъ классовыхъ интересовъ.

Несмотря на всѣ демократическія формулы мира, внѣшняя политика Россіи продолжала приковывать народъ къ военной колесницѣ имперіализма. Несмотря на провозглашенныя свободы и реформы, его внутренняя политика не только не сковала аппетитовъ и хозяйственнаго господства эксплуатирующихъ классовъ, но ослабляла и подавляла возмущеніе эксплуатируемыхъ противъ ихъ мучителей, отступала передъ развязываніемъ революціонной энергіи.

И когда возмущеніе и развязываніе силъ революціи стало такимъ же неминуемымъ, какъ и ледоходъ на Невѣ,— священное единство русской демократіи стало простой полицейской палкой диктатора Керенскаго, подготовкой военной диктатуры.

При такомъ положеніи у большевиковъ не было свободнаго выбора, при какихъ условіяхъ, въ какихъ формахъ они хотѣли оградить революцію, сохранить и развивать ее. Они стояли передъ давленіемъ простого факта громаднѣйшаго значенія—или вмѣшаться въ ходъ событій дѣйствіемъ,

или сойти со сцены, какъ соціалистическая и революціонная сила. Въ эти рѣшающіе судьбу революціи часы они показали, что имъ присущи не только дальновидность, смѣлость и самопожертвованіе, но также и вѣра въ силу соціалистическихъ идей, въ свою мощь и довѣріе къ массамъ. Они предпочли харакири безплоднаго отказа — опасность борьбы и возможность пораженія. Они посмѣли — и они выиграли. Оправдались слова Дантона, что смѣлость и еще разъ смѣлость — залогъ побѣды въ революціонной борьбѣ.

Большевики боролись и побѣдили. Они утверждаютъ свою власть отдѣльно отъ всѣхъ другихъ соціалистическихъ партій, въ противоположность къ нимъ, будучи предметомъ вражды съ ихъ стороны, если не принимать въ расчетъ лѣвыхъ с.-р.

Я глубоко сожалѣю, что эти борьба и побѣда не являются дѣломъ всѣхъ соціалистовъ, всѣхъ революціонеровъ Россіи, что они не всѣ, безъ различія направленія, стоятъ вмѣстѣ съ побѣдителями, усиливая власть и проявляя ее.

Но развѣ ихъ блестящее отсутствіе вокругъ Ленина и Троцкаго произошло по винѣ большевиковъ, ихъ ортодоксальнаго, ограниченнаго пониманія, ихъ близорукой, не революціонной тактики, если вообще можно въ этомъ потокѣ событій говорить о чьей-либо винѣ? Мое мнѣніе одно: нѣтъ, это не вина большевиковъ.

Поскольку я могу судить, не-большевистскіе соціалисты и с.-р. дѣйствовали правильно, объединившись съ буржуазной демократіей для сверженія царскаго режима. Но послѣ этого союзъ съ ней долженъ былъ стать для нихъ роковымъ, этотъ союзъ долженъ былъ стать мертвой петлей для ихъ силы и вліянія, какъ соціалистовъ. Въ «единой демократіи» и въ правительствѣ меньшевики и с.-р. чѣмъ дальше, тѣмъ больше изъ движущихъ силъ превращались въ жалкихъ плѣнниковъ. Я убѣждена, что они честно старались надъ соціалистическимъ разрѣшеніемъ лежащихъ передъ ними проблемъ. Но ни разу ихъ дѣйствія не выявились рѣшающимъ образомъ вовнѣ.

Ихъ политическое существованіе, какъ соціалистовъ и революціонеровъ, какъ бы потухло. Всѣ ихъ дѣйствія, все ихъ существованіе растаяло въ ихъ горячемъ, любовномъ стремленіи къ знаменитой «средней линіи». Въ глазахъ страдающихъ, требующихъ, отброшенныхъ массъ и передъ исторіей меньшевики и умѣренные с.-р. должны были нести полную отвѣтственность за всѣ грѣхи дѣйствія и бездѣйствія объединенной русской демократіи и ихъ правительствъ, отъ недостаточнаго снабженія средствами существованія и терпимости къ военному ростовщичеству и подстрекателямъ продолженія бойни и до репрессій по отношенію къ бастую-

щимъ рабочимъ и возстающимъ крестьянамъ, отъ политики бездѣйствія въ вопросѣ о мирѣ до клеветы и арестовъ большевистскихъ вожаковъ, отъ рѣзни возставшаго петербургскаго пролетаріата до разстрѣловъ картечью жаждущихъ свободы и мира солдатъ. «По ихъ плодамъ познаете ихъ». Было бы самоубійствомъ, если бы большевики вступили на путь подобной политики и пренебрегли источающей силу материнской почвой политической власти, довѣріемъ къ нимъ широчайшихъ народныхъ массъ.

Полная послѣдствій побѣда большевиковъ, захватъ политической власти руководимыми ими Совѣтами создали совершенно новую, дѣйствительно революціонную ситуацію. Казалось бы, что передъ лицомъ мощнаго дѣйствія пролетарской массовой воли, которая при гигантскихъ трудностяхъ и трагическихъ условіяхъ страны поднялась къ солнечному свѣту, объединеніе всѣхъ соціалистическихъ и революціонныхъ силъ является чѣмъ-то плоскимъ, само собою разумѣющимся. Цѣлью подобнаго блока не могло быть утвержденіе уже обанкротившейся тактики буржуазно-соціалистической коалиціи, а, наоборотъ, ея задачей должна была быть могучая поддержка, развитіе диктатуры трудящагося народа. Однако, если вѣрить извѣстіямъ повседневной прессы, то меньшевики, вмѣстѣ съ близкими имъ теченіями, выдвинули предложеніе союза всѣхъ соціалистическихъ и соціально-революціонныхъ теченій безъ большевиковъ, позже ставъ терпимѣе,—только безъ вождей, которые являются душой партіи. За похвальнымъ исключеніемъ лѣваго крыла соціалъ-революціонеровъ, умѣренные соціалисты, повидимому, концентрируютъ свою силу на борьбѣ противъ большевиковъ.

Мнѣ кажется, что правые соціалисты и с.-р. Россіи являются жертвою своей вѣры въ прочную историческую схему, согласно которой такая далекая и высоко идущая революція, какъ та, которая начата большевиками, связана съ совершенно опредѣленными условіями общественной зрѣлости, которыхъ, по ихъ мнѣнію, еще нѣтъ въ Россіи. По ихъ мнѣнію, слѣдовало бы удовлетвориться тѣмъ, чтобы всѣ соціалистическія, всѣ демократическія силы объединить на упроченіи той революціи, которая представляется имъ единственно той революціей, которая имѣетъ право на существованіе и можетъ выжить,—именно буржуазно-политической революціи съ соціалъ-реформистскимъ налетомъ, какъ предтечи пролетарской революціи съ чисто соціалистическими цѣлями. По ихъ мнѣнію, настоящая революція должна только создать такія условія въ буржуазномъ обществѣ, которыя облегчаютъ веденіе пролетарской классовой борьбы.

Загипнотизированные этимъ пониманіемъ, умѣренные соціалисты думали найти «среднюю линію», «достижимое» въ совмѣстномъ дѣйствіи съ буржуазной лѣвой. При этомъ они упускали изъ виду, что партія классовой борьбы, которая хочетъ въ столкновеніи классовыхъ противорѣчій обезпечить эту «среднюю линію», «достижимое», должна дѣйствовать сообразно закону параллелограма или оріентироваться не на «достижимое», а, наоборотъ, на далеко возвышающіяся надъ нимъ цѣли,—подобно кормчему, который знаетъ изъ опыта, что онъ только тогда достигнетъ лежащей напротивъ пристани и не будетъ унесенъ потокомъ внизъ, когда онъ держитъ курсъ далеко на это мѣсто вверхъ по теченію. Чтобы закрѣпить на древкѣ революціи знамя побѣды, меньшевики и правые эсъ-эры поступаютъ подобно тѣмъ легендарнымъ знатнымъ римлянамъ, которые бросались въ пропасть,—и теперь пропасть проглотила ихъ какъ вождей революціи.

Исторія идетъ своимъ путемъ, безъ всякаго почтенія къ вѣрованіямъ людей, въ особенности въ такомъ громадномъ государствѣ, какъ Россія, гдѣ въ вещахъ и въ душѣ людей пережитки самой давней старины и самое современное находятся рядомъ другъ съ другомъ и тѣснѣйшимъ образомъ переплетены.

Не забудемъ, что революція въ Россіи происходитъ въ обстановкѣ міровой войны, которая сама по себѣ является чудовищнымъ и ужаснымъ доказательствомъ того, что сейчасъ, при имперіалистическомъ капитализмѣ, историческое развитіе покинуло лѣнивыя болотистыя воды эволюціи и вступило въ взволнованное бущующее море эпохи революціи.

Вся тактика правыхъ русскихъ товарищей-соціалистовъ казалась мнѣ правильной и необходимою, чтобы развязать революцію, но упорствовать въ отказѣ отъ самостоятельной классовой политики и послѣ начала революціи, и даже тогда, когда революціонныя задачи настойчиво выдвигаются на передній планъ,—значитъ добиться обратныхъ результатовъ. Изъ средства упроченія революціи подобная тактика стала для нея угрозой. Поведеніе буржуазной демократіи въ вопросѣ о мирѣ и въ аграрномъ вопросѣ, при ограниченіи политическихъ свободъ для массъ, было предостереженіемъ, указывавшимъ, что дороги должны разойтись. Тактика коалиціонныхъ соціалистовъ, чѣмъ дальше, тѣмъ осязательнѣе доводила себя до абсурда. Она превратилась въ исполинскій устрашающій наглядный примѣръ того, каковы бываютъ послѣдствія союза соціалистовъ и пролетаріевъ съ буржуазной демократіей, ихъ отказа вести самостоятельную классовую политику, преслѣдовать свои классовыя цѣли.

Эти соглашатели своимъ неминуемымъ банкротствомъ подготовили почву для тріумфа большевиковъ. Конечно, невольно, но это такъ. Дѣйствительно, кажется, что крушеніе меньшевитской тактики съ ея иллюзіями и формулами во многомъ и рѣшающимъ образомъ способствовало тому, чтобы не только поднять въ широкихъ массахъ пролетаріата и малоземельнаго крестьянства революціонное настроеніе, но и внѣдрить въ нихъ пониманіе большевистскихъ лозунговъ, котораго не было еще въ началѣ революціи, да и не могло быть.

Этотъ невольный разультатъ сталъ самымъ значительнымъ, положительнымъ плодомъ ихъ тактики. Діалектика еще разъ оказалась безпощадно зла.

Не удивительно ли, что рѣзкіе и тороватые критики большевиковъ ни разу не нашли нужнымъ подвергнуть такой же критикѣ и тактику коалиціонныхъ соціалистовъ и подвергнуть изслѣдованію при помощи лупы «заблужденія», «опасности», «ошибки» и «погрѣшности» противъ теоріи и практики интернаціональнаго соціализма?

Очень можетъ быть, что большевики вмѣстѣ съ радикальными элементами лѣвыхъ эсъ-эровъ составляютъ только меньшинство организованныхъ боевыхъ соціалистическихъ силъ въ Россіи. Но за ними громадное большинство въ Совѣтахъ, очень много крестьянскихъ Совѣтовъ, самые крупные профессіональные союзы и помимо этихъ организованныхъ революціонныхъ центровъ почти весь промышленный пролетаріатъ, очень большая часть крестьянства, войска, флота. Вѣрно, что въ средѣ дѣлателей этой гордой работы недостаетъ блестящихъ и вѣрныхъ мужей, людей съ неумирающими заслугами передъ россійской освободительной борьбой и интернаціональнымъ соціализмомъ.

Но зато съ большевиками—милліонное войско, неизвѣстныхъ, безыменныхъ, которые погружены въ сѣрую, безформенную повседневность, а всѣ вмѣстѣ, объединенные въ большую массу, представляютъ историческую величину, озаряемую неподражаемой славой, когда искра Прометея разгорается въ нихъ въ пламя.

Большевики сейчасъ больше, чѣмъ партія, они, какъ мнѣ представляется, въ настоящее время являются фактическими представителями воли народа, поскольку въ гигантскомъ Русскомъ царствѣ есть проснувшаяся, движущаяся, и проявляющая себя въ дѣйствіи народная воля. Ихъ «скорая гибель» длится уже два мѣсяца—срокъ, очень долгій для революціи съ ея невѣроятно быстрымъ изнашиваніемъ партій, людей и программъ, когда дни идутъ за годы и десятилѣтія. Вопреки всѣмъ опасеніямъ, пророчествамъ, несмотря на всѣ наимовѣрныя затрудненія, противодѣйствіе,

ненависть, большевики удержались у власти, мало того, они укрѣпили ее и расширили, дѣйствуя и борясь, какъ пролетарская партія классовой борьбы, каковой они и стали у власти.

Для революціонныхъ партій, какъ и для отдѣльныхъ лицъ, имѣетъ силу напоминаніе Теокрита: «Дѣла сдѣланы, когда колѣно еще крѣпко». Большевики это поняли.

Кто станетъ отрицать, что большевики, какъ партія, являются властью меньшинства? Но, положа руку на сердце, развѣ не были бы всѣ объединенные соціалисты и соціалисты-революціонеры такой же властью меньшинства? Властью меньшинства, которая для сохраненія своего существованія, чтобы быть носительницей, исполнительницей воли революціи, должна бы была прибѣгать къ тѣмъ же мѣрамъ, въ которыхъ сейчасъ обвиняютъ большевиковъ: «употреблять насиліе, примѣнять мѣры принужденія, оскорблять демократическіе принципы, производить соціалистическіе эксперименты»? Развѣ не было этого при временномъ правительствѣ, несмотря на то, что въ средѣ правительства находились «соціалисты», когда также нарушалась свобода мнѣній, и товарищъ Ленинъ преслѣдовался, какъ «государственный преступникъ», и не смѣлъ долгое время показываться открыто въ Петербургѣ? Или это было осуществленіемъ демократическихъ принциповъ, когда приверженцы большевиковъ заполняли тюрьмы «единой демократіи», разстрѣливались изъ пулеметовъ «единой демократіей»?

Это старая исторія, но она остается вѣчно новой, что, пока въ обществѣ имѣются классовыя противорѣчія, власть можетъ быть сломлена только властью, а насиліе постоянно было акушеркой новаго соціальнаго строя.

Это значитъ требовать невозможнаго, чтобы большевики прошли сквозь революцію въ незапятнанныхъ бѣлыхъ одеждахъ дѣвицъ изъ женскаго пансіона, прошли черезъ этотъ адъ, огонь, чистилище, рай, очищающее пламя и клубящійся черный дымъ.

Революція—это эпоха міозданія, повышающая до апогея страсти желанія, аппетиты, стремленія къ самоутвержденію и самопроявленію. Изъ глубокихъ нѣдръ поднимаетъ она въ мукахъ камни или сверкающее золото. Въ своей титанической борьбѣ за власть, какъ за рычагъ высшаго общественнаго порядка, большевики не могутъ уклониться отъ мѣропріятій, не поддающихся измѣренію этико-истерическимъ масштабомъ, да и не могущихъ имъ измѣряться.

Это мощное событіе требуетъ своего собственнаго масштаба, на которомъ стерлись черты, отмѣчающія сантиметры и миллиметры,—масштаба, на которомъ отмѣчены лишь высота цѣли и направленіе. Не слѣдуетъ затемнять

ихъ сентиментальными слезами по поводу каждаго проявленія суровости и господства силы. Будемъ твердо придерживаться того факта, что господство и сила (сами по себѣ) не могутъ быть ни реакціонными, ни революціонными, но что практика ихъ можетъ стать реакціонной или революціонной, въ зависимости отъ цѣли, которой онѣ служатъ.

Замалчиваніе компромиссныхъ дѣяній «умѣренныхъ» русскихъ соціалистовъ въ первый періодъ революціи (революціи мартовской) и краснорѣчивая критика мощнаго движенія соціалистовъ крайнихъ во второй періодъ (революціи октябрьской) живо напоминаютъ мнѣ, разумѣется, mutatis mutandis, слова Маркса изъ его «Классовой борьбы во Франціи съ 1846 по 1850 г.»:

«Февральская революція была въ чести и пользовалась всеобщими симпатіями, ибо противорѣчія, которыя скрывались въ ней и прорвались въ видѣ анти-монархическаго движенія, покоились пока бокъ-о-бокъ, въ состояніи зародыша. Борьба соціальная, представлявшая только фонъ для борьбы политической, свелась къ фразѣ, къ словамъ. Іюньская же революція, это—революція ненавистная, такъ какъ слово смѣнилось дѣломъ, такъ какъ республика обнажила голову чудовища, сорвавъ съ него корону, которая служила ему защитой».

Послѣ того, какъ большевики подняли борьбу противъ чудища капиталистическаго строя, они не могутъ дѣйствовать иначе, какъ уничтожая желѣзной рукой всякое препятствіе, которое, по ихъ мнѣнію, стоитъ на пути къ осуществленію ихъ цѣли. Нельзя предполагать, чтобы окруженные врагами большевики вступали въ чувствительныя разсужденія съ полудрузьями и благонамѣренными совѣтчиками.

Тактика и методъ соціалистическаго дѣйствія не могутъ быть одинаковы при революціи и при эволюціи. Горько разочаруется тотъ, кто вообразитъ себѣ, будто революціонныя мѣропріятія могутъ быть проведены по программѣ какого-либо просвѣтительнаго комитета или по образцу майскихъ праздниковъ: «дѣльный и увлекательный докладъ, который одновременно и убѣждаетъ и воодушевляетъ слушателей, съ предисловіемъ въ видѣ пѣсни Ганса Закса изъ оперы «Мейстерзингеры»: «Пробуждайтесь, близокъ день», и заключеніемъ въ видѣ безсмертнаго ликующаго гимна Шиллера-Бетховена въ честь освобожденнаго человѣчества: «Радость, ты Божія искра прекрасная»...

Такъ прекрасно и гармонично не можетъ пройти классовая борьба, которая ведется за обновленіе міра. И менѣе всего въ эпоху, закованную въ стальной панцырь, говорящую языкомъ орудій (пулеметовъ) и превратившую капитали-

стическую культуру въ хаосъ, съ которымъ борются зародыши новой, высшей жизни за свое утвержденіе и развитіе.

«Компрометирующій режимъ насилія» большевиковъ, «нарушеніе ими демократическихъ принциповъ», «ихъ преждевременное и неполное вторженіе въ общественное хозяйство», должны разсматриваться подъ такимъ угломъ зрѣнія: направлены ли дѣйствія большевиковъ въ цѣломъ прямолинейно и послѣдовательно къ цѣли, къ побѣдѣ соціализма надъ капитализмомъ? Въ состояніи ли они способствовать достиженію этой цѣли или ускорить такое достиженіе? Поскольку мы можемъ обозрѣвать и оцѣнивать обстоятельства, мнѣ кажется, можно отвѣтить утвердительно. Большевики, безъ сомнѣнія, творятъ свою собственную исторію, но они творятъ ее не по собственной фантазіи, а въ обстановкѣ, которой они сами не выбирали, но которую они застали.

Вспомнимъ же, прежде чѣмъ начать возмущаться ихъ «неразуміемъ», слова Маркса изъ «Восемнадцатаго брюмэра»:

«Соціальная революція девятнадцатаго вѣка не можетъ черпать свою поэзію изъ прошлаго, она можетъ почерпнуть ее лишь изъ будущаго».

Это примѣнимо къ двадцатому вѣку.

Развѣ въ дѣйствіяхъ большевиковъ можно видѣть одно лишь «стѣсненіе свободы убѣжденій», отступленіе отъ демократическихъ принциповъ»? Мы должны видѣть также и высокую цѣль, которая сдѣлаетъ возможнымъ осуществленіе свободы слова и всеобщаго равенства.

Развѣ совершился бы помимо большевистскаго «режима насилія» революціонный разрывъ съ губительной для народовъ тайной дипломатіей? Можно ли себѣ представить внѣ этого «режима насилія» походъ противъ господства капиталистической собственности: національзацію банковъ, проведеніе восьмичасового рабочаго дня, экспропріацію бунтующихъ крупныхъ обществъ эксплуататоровъ и т. д.,— словомъ, мѣропріятія, подрывающія самые корни капиталистическаго производства?

Допустимъ, что, быть-можетъ, и эта сторона большевистскаго дѣла страдаетъ грубыми ошибками и промахами, которые могутъ быть доказаны учеными теоретиками-экономистами. Но и здѣсь также слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на дѣло. Въ революціонныя времена быстро слѣдуютъ другъ за другомъ и промахи и ихъ исправленія. Худшимъ зломъ, чѣмъ ошибка, является для боевой революціонной партіи бездѣятельность, этотъ наиболѣе компрометирующій, деморализующій и разрушающій изъ всѣхъ пороковъ.

Большевистская политика основана на классовомъ положеніи пролетаріата. Условія существованія и потребности рабочаго класса являются сильнѣйшими стимулами историческаго развитія, сознательно двигающими его впередъ. Политика большевиковъ можетъ поэтому сослаться на слѣдующее мѣсто изъ «Классовой борьбы во Франціи»:

«Какъ только поднимается тотъ классъ, въ которомъ концентрируются революціонные интересы общества, онъ найдетъ непосредственно въ своемъ собственномъ положеніи и содержаніе и матеріалъ для своей революціонной дѣятельности: поражать враговъ, принимать мѣры, диктуемыя потребностью борьбы. Послѣдствія ихъ собственныхъ поступковъ заставляютъ ихъ итти дальше. Они не дѣлаютъ никакихъ теоретическихъ изысканій о своей собственной задачѣ». Я знаю, что противъ большевистскихъ дѣйствій могутъ быть приведены въ достаточномъ количествѣ другія цитаты изъ Маркса и Энгельса. Но я тѣмъ не менѣе глубоко убѣждена въ томъ, что придетъ день, когда **исторія объявитъ Лениныхъ и Троцкихъ наслѣдниками революціоннаго духа Маркса.** «Ошибки» же и «недочеты» ихъ политики будутъ сведены исторической перспективой къ микроскопическимъ размѣрамъ. Они уподобятся деревьямъ аллеи, теряющимся на далекомъ горизонтѣ. Словно высѣченная изъ руды обрисуется зато цѣльная прямая линія ихъ дѣйствій.

Большевики въ цѣломъ исторически безсмертны уже и въ настоящее время. Это значеніе ихъ неизгладимо и въ томъ случаѣ, если бы они лишились власти.

Ихъ паденіе было бы столь же грандіознымъ, какъ и возвышеніе ихъ, и **одинъ лишь фактъ, что русскій пролетаріатъ поднялся на высоту подъ руководствомъ соціалистическихъ вождей, долженъ оставить глубочайшіе, неизгладимые слѣды въ исторіи человѣчества,** какъ бы ни сомнѣвались въ дѣйствіяхъ большевиковъ, какъ бы ни критиковали и ругали ихъ... Пусть даже дѣло ихъ останется незаконченнымъ... Рано или поздно исторія покажетъ, что силы эти будутъ продолжать дѣйствовать. Такого рода «буржуазныя революціи», говоритъ Карлъ Марксъ въ «Восемнадцатомъ брюмэра», «какъ та, что произошла въ восемнадцатомъ вѣкѣ, быстрѣе переходятъ отъ одного успѣха къ другому. Драматическіе эффекты ихъ превосходятъ самихъ себя... Люди и вещи сверкаютъ огнемъ алмазовъ... Каждый день одухотворенъ экстазомъ... Но они эфемерны... Быстро достигаютъ они кульминаціоннаго пункта, и, прежде чѣмъ общество успѣетъ трезво усвоить результаты періода бурь и натиска, Sturm und Drangperiode, имъ овладѣваетъ похмелье... Пролетарскія же революціи, какими являются революціи девятнадцатаго вѣка, напротивъ того, относятся къ самимъ себѣ крити-

чески... Безпрестанно прерываютъ онѣ сами свой собственный ходъ... Возвращаются къ тому, что какъ будто уже завершено, чтобы вновь начинать сначала...

...Жестоко и основательно глумятся надъ половинчатостью и слабостью своихъ первыхъ попытокъ и повергаютъ своего противника, какъ будто лишь для того, чтобы послѣднiй, приникнувъ къ землѣ, почерпнулъ изъ нея новыя силы и вновь предсталъ передъ ними во весь свой гигантскiй ростъ... Вновь отпугиваетъ ихъ необъятность ихъ собственныхъ цѣлей, пока не создастся положенiе, дѣлающее невозможнымъ возвратъ къ старому... Пока сами событiя не возопiютъ. Въ будущемъ возвышенiе и борьба большевиковъ сдѣлаются путеводною звѣздой. Это чувствуютъ миллiоны тѣхъ, кто потерялъ вѣру въ соцiалистическихъ вождей и довѣрiе къ собственнымъ силамъ... Съ благодарностью привѣтствуютъ они подвигъ большевиковъ заключительнымъ стихомъ изъ «Эмпедокла», въ прекраснымъ torso драмы, гдѣ Гельдерлинъ говоритъ о необходимости мiрообновленiя:

«Такъ должно свершиться...
Того хочетъ духъ
И время, что зрѣетъ...
Слѣпцы, мы нуждалися
Въ чудѣ великомъ...»

Величайшимъ же чудомъ изъ чудесъ является дѣйствительность...

Клара Цеткинъ.

Открытое письмо Франца Меринга.

Отъ редакцiи.

Меньшевики и новожизненцы любятъ доказывать, что русскiе коммунисты отступили отъ принциповъ марксизма, а потому отъ нихъ и отвернулась вся западно-европейская соцiалъ-демократiя. Они утверждаютъ, что стремленiя и революцiонная работа большевиковъ встрѣчаютъ не сочувствiе, а только осужденiе среди западно-европейской соцiалъ-демократiи и ея вождей.

Печатаемое нами ниже письмо одного изъ крупнѣйшихъ вождей и теоретиковъ германской соцiалъ-демократiи — Франца Меринга—показываетъ, насколько лживы эти утвержденiя меньшевиковъ. Изъ письма Меринга читатели увидятъ, съ какимъ сочувствiемъ относится къ большевизму этотъ вождь революцiоннаго крыла германскаго пролетарiата.

А Францъ Мерингъ—одинъ изъ крупнѣйшихъ вождей нѣмецкаго пролетаріата, уже давно работающій въ его рядахъ. Его перу принадлежитъ знаменитая «Исторія германской соціалъ-демократіи». Вмѣстѣ съ Каутскимъ онъ въ теченіе многихъ лѣтъ редактировалъ научный органъ германской соціалъ-демократіи, «Neue Zeit», въ которомъ имъ было помѣщено очень много статей по литературнымъ и политическимъ вопросамъ.

За все время своей работы въ партіи Мерингъ стоялъ въ рядахъ его лѣваго революціоннаго крыла; онъ упорно боролся всегда противъ всякаго оппортунизма. Съ самаго начала войны Мерингъ, вмѣстѣ съ Либкнехтомъ, Розой Люксембургъ и другими товарищами, выступилъ противникомъ войны. Вмѣстѣ съ ними онъ вошелъ въ группу «Интернаціоналъ», отъ имени которой онъ и пишетъ печатаемое ниже письмо, присланное на-дняхъ въ редакцію «Правды»:

«Дорогіе товарищи!

Можетъ показаться слишкомъ самонадѣяннымъ съ моей стороны, что я, одинъ изъ вашихъ нѣмецкихъ единомышленниковъ, беру на себя смѣлость послать вамъ, русскимъ товарищамъ, братскій привѣтъ и сердечныя пожеланія. Но на дѣлѣ я пишу вамъ не какъ отдѣльное частное лицо, а въ качествѣ старѣйшаго члена группы «Интернаціоналъ», группы «Спартакъ», того соціалъ-демократическаго направленія въ Германіи, которое вотъ уже четыре года борется при самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ на той же почвѣ, тѣми же средствами и путемъ той же тактики, къ которой прибѣгали и вы, пока революція не увѣнчала побѣдой ваши стремленія.

Мы встрѣтили вѣсть о побѣдѣ большевиковъ съ чувствомъ гордости, безъ всякой зависти, **какъ нашу собственную побѣду,** и мы всѣ съ радостью присоединились бы къ вамъ, если бы ряды наши не порѣдѣли такъ сильно... Многіе изъ насъ—и воистину не худшіе—томятся за стѣнами тюрьмы, какъ, напр., товарищъ Роза Люксембургъ, или за стѣнами исправительнаго дома, какъ товарищъ Карлъ Либкнехтъ.

Если бы я могъ, по крайней мѣрѣ, послать вамъ болѣе утѣшительную вѣсть о внутренней жизни нѣмецкаго рабочаго міра! Но, подобно масляному пятну, правительственный соціализмъ продолжаетъ впитывать въ себя окружающее, несмотря на то, что онъ отживаетъ свой вѣкъ и въ моральномъ и въ политическомъ отношеніи. Что ему удалось путемъ всякихъ махинацій, подъ прикрытіемъ осаднаго положенія, завладѣть почти всѣми рабочими газетами и черезъ сотни трубъ спускать въ рабочія массы ядъ и грязь,—это еще наименьшее зло.

Несравненно болѣе слѣдуетъ призадуматься надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что рабочія массы все еще идутъ навстрѣчу правительственному соціализму, который, благодаря этому, получилъ возможность разбить наголову независимую соціалъ-демократію въ трехъ избирательныхъ битвахъ.

Одну изъ этихъ избирательныхъ битвъ, имѣвшую мѣсто уже давно, еще кое-какъ можно объяснить.

Рѣчь шла объ округѣ Потсдамъ-Шпандау — Восточная Гавельская земля. Въ 1912 году здѣсь одержалъ впервые побѣду Карлъ Либкнехтъ, благодаря случайному большинству голосовъ. Вполнѣ понятно, что при выборахъ его замѣстителя всѣ буржуазныя партіи предложили свои услуги правительственному соціализму, дабы спасти прусскую резиденцію Потсдамъ отъ возможности выборовъ сторонника Либкнехта. Для шейдемановцевъ это было скорѣе позоромъ, чѣмъ торжествомъ.

Иначе обстояло дѣло въ избирательныхъ округахъ Нидербарнимѣ и Цвиккау—Криммитчау, гдѣ происходили недавно дополнительные выборы взамѣнъ умершихъ депутатовъ Штадгагена и Шталле, принадлежавшихъ къ независимой соціалъ-демократіи. Оба эти округа являлись стариннымъ достояніемъ партіи. Они давали всегда радикальныхъ представителей, и буржуазныя партіи выставили въ обоихъ случаяхъ самостоятельныхъ кандидатовъ, такъ что бой шелъ только между зависимыми и независимыми.

Зависимые, какъ ни какъ, побѣдили. Понятно, что это произвело на всѣхъ нашихъ друзей подавляющее впечатлѣніе.

Нельзя при этомъ, разумѣется, упускать изъ виду того обстоятельства, что борьба велась не равнымъ оружіемъ. У независимыхъ не было ни свободы печати, ни свободы собраній и вообще никакихъ законныхъ средствъ предвыборной агитаціи, тогда какъ у правительственныхъ соціалистовъ они имѣлись въ изобиліи.

Но какой бы вѣсъ ни придавать этому различію, его еще далеко не достаточно, чтобы объяснить тяжесть обоихъ пораженій: въ эпоху исключительныхъ законовъ противъ соціалистовъ зачастую одерживались соціалъ-демократами побѣды при столь же неблагопріятныхъ или еще худшихъ условіяхъ. Истинный корень зла лежитъ глубже: онъ лишь обнаружился во время этихъ выборовъ, какъ и раньше, нѣкоторыми симптомами: у независимой соціалъ-демократіи недостаточно движущей силы, чтобы поднять и увлечь за собой пролетарскія массы.

О членахъ ея, какъ о личностяхъ, нельзя сказать ничего дурного. Среди нихъ имѣются дѣльные люди, и всѣ они, конечно, стремятся къ лучшему, но, какъ партія, они родились подъ несчастной звѣздой.

Слишкомъ поздно и лишь послѣ продолжительныхъ колебаній отреклись они отъ правительственныхъ соціалистовъ, въ грѣхахъ которыхъ они волей-неволей долгое время принимали участіе. Да и въ партію они сомкнулись не на основѣ общаго и яснаго міровоззрѣнія; во многихъ, въ томъ числѣ и важныхъ вопросахъ, убѣжденія ихъ расходятся. Связью между ними является пароль не «впередъ», а «назадъ».

Имъ хотѣлось бы вернуть ту старую нѣмецкую соціалъ-демократію, которая существовала до 4 августа 1914 г. Имъ хочется назадъ къ ихъ «старой, испытанной тактикѣ» съ ея «блестящими побѣдами», отъ выборовъ къ выборамъ, къ ихъ побѣдоносной борьбѣ съ «ревизіонизмомъ», отъ одного партійнаго съѣзда къ другому и т. д.

Но эта цѣль независимыхъ не болѣе какъ утопія, да при томъ еще реакціонная, намѣревающаяся вырыть трупъ и разукрасить его для новой жизни. Прежняя германская соціалъ-демократія съ ея старой, испытанной тактикой разбита на части и погребена подъ колесами тріумфальной колесницы имперіализма. Ея болѣе не существуетъ: теперь имѣется только германская соціалъ-демократія, которая создалась въ августѣ 1914 года.

Этой тоскѣ независимой соціалъ-демократіи по невозвратному прошлому соотвѣтствуетъ ея полнѣйшая слѣпота по отношенію къ движущимъ силамъ современности. Причиненную ей нидербарнимскимъ пораженіемъ боль они хотятъ смягчить сильной компаніей противъ большевиковъ, которую велъ здѣсь меньшевикъ Штейнъ, а рядомъ съ нимъ, или, вѣрнѣе, надъ нимъ, великій теоретикъ К. Каутскій. Воистину они совершаютъ геройскій подвигъ и обнаруживаютъ бездну государственной премудрости! Почувствуй это Карлъ Марксъ, онъ трижды повернулся бы въ гробу. Для партіи вообще характерно то обстоятельство, что она все еще продолжаетъ восторгаться Каутскимъ, какъ святымъ пророкомъ, хотя пора ей, по крайней мѣрѣ, съ 4 августа 1914 года, узнать, что у этого ученаго школьнаго учителя нѣтъ ни малѣйшаго слѣда революціоннаго духа Маркса.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что независимая соціалъ-демократія не обладаетъ въ средѣ германскаго пролетаріата движущей силой и силой притяженія. Рабочіе очень хорошо знаютъ, что значитъ для нихъ солидарность ихъ класса; если они готовы примириться съ расколомъ партіи, то не хотятъ платить этой, въ ихъ глазахъ, дорогой, да и въ дѣйствительности дорогой цѣны понапрасну.

Реакціонной утопіей ихъ тогда не удовлетворить, но если бы даже послѣдняя была осуществима, то это было бы концомъ, а не началомъ кризиса. Вѣдь крахъ, разра-

зившійся 4 августа 1914 года, не былъ ударомъ молніи на ясномъ небѣ: онъ явился въ результатѣ болѣзни, уже давно разъѣдавшей организмъ партіи, несмотря на блестящую внѣшность ея.

Независимая соціалъ-демократія можетъ, разумѣется, говорить, что она не желала раскола: она была вытѣснена изъ партіи наполовину насильственно правительственными соціалъ-демократами.

Но слѣдствіемъ ея половинчатой и нерѣшительной политики явилось то, что массы повернулись къ ней спиной, такъ какъ онѣ видятъ въ ней причину раскола партіи. Въ самомъ дѣлѣ, что выиграно отъ того, что правительственные соціалисты говорятъ: «Мы соглашаемся на военные кредиты, но никоимъ образомъ не изъ принципіальныхъ соображеній», а независимая соціалъ-демократія говоритъ: «Мы отклоняемъ военные кредиты, но никоимъ образомъ не изъ принципіальныхъ соображеній»?

И «да» и «нѣтъ» исходитъ изъ одного и того же намѣренія—мыть медвѣжью шкуру, не смочивъ ея водой.

Насколько позволяютъ судить дополнительные выборы, изъ 28 мандатовъ, которыми располагаетъ независимая соціалъ-демократія, она можетъ навѣрное разсчитывать въ лучшемъ случаѣ на два, на три мандата. Это обстоятельство само по себѣ не было бы еще несчастьемъ, но такъ какъ независимая соціалъ-демократія съ ея «прежней испытанной тактикой» является партіей по преимуществу парламентской, то въ этомъ можно видѣть зловѣщій симптомъ надвигающагося будущаго.

Какъ чувство самосохраненія, такъ и чувство политическаго долга все болѣе побуждаетъ ее бороться путемъ «старой, испытанной тактики». Тотъ, кто вообразитъ себѣ, будто она способна ударить палецъ о палецъ за предѣлами этой тактики, хотя бы и во имя высшаго блага человѣчества, тотъ впадаетъ въ иллюзію, которая можетъ сдѣлаться для него тѣмъ болѣе роковой, чѣмъ грандіознѣе воздушные замки, которые онъ строитъ на этой почвѣ.

Въ противоположной независимой соціалъ-демократіи группа «Интернаціоналъ» распростилась съ самаго начала войны со всѣми иллюзіями и въ своихъ тезисахъ и другихъ программныхъ заявленіяхъ никогда не закрывала глазъ на то, что послѣ ужаснаго краха 4 августа 1914 года возможно и необходимо полное возсозданіе вновь зданія Интернаціонала. Встрѣчая на первыхъ порахъ со всѣхъ сторонъ вражду и преслѣдованія—въ томъ числѣ и не въ послѣднюю голову со стороны независимой соціалъ-демократіи, — мы всегда имѣли счастье находить у рабочихъ открытыя уши и сердца, а главное—ту же способность итти на жертвы,

которую нѣкогда проявляли ихъ отцы въ эпоху исключительныхъ законовъ противъ соціалистовъ.

Лишь одну ошибку сдѣлали мы, а именно ту, что послѣ основанія организаціи независимой соціалъ-демократіи мы соединились съ ней, само собою разумѣется, съ сохраненіемъ нашей самостоятельной точки зрѣнія, въ надеждѣ, что намъ удастся двинуть ихъ впередъ. Отъ этой надежды давно уже пришлось намъ отказаться; всѣ попытки въ этомъ родѣ разбивались о то, что наши лучшіе и испытаннѣйшіе люди заподозрѣвались со стороны вождей независимой соціалъ-демократіи въ провокаторствѣ. Эта подозрительность также является наслѣдіемъ и старой, испытанной тактики.

Но, въ концѣ концовъ, есть вещи, которыя заставляютъ лопнуть послѣднее терпѣніе. Къ числу ихъ относится безсмысленная война, которую ведутъ противъ большевиковъ Каутскій и К°.

Мы понимаемъ, конечно, трепетъ негодованія этого мыслителя. Онъ негодуетъ на то, что большевики зашли далеко за предѣлы старой, испытанной тактики. Но мы питаемъ маленькую надежду на то, что Каутскій научился, по крайней мѣрѣ, настолько у Маркса, котораго онъ, по его словамъ, знаетъ наизустъ и буквальный текстъ котораго онъ дѣйствительно можетъ воспроизвести,—что просто непристойно людямъ, сидящимъ за границей въ покоѣ и безопасности, осложнять на радость буржуазіи позицію революціонныхъ борцовъ, дѣйствующихъ при тягчайшихъ обстоятельствахъ и приносящихъ великія личныя жертвы.

Но и эта надежда обманула меня, и я пишу это посланіе, уступая желанію, неоднократно исходившему изъ круговъ группы «Интернаціоналъ»; чтобы **сказать нашимъ русскимъ друзьямъ и единомышленникамъ, что мы связаны съ ними всѣми узами страстной и глубокой симпатіи**, и что мы видимъ въ нихъ, а не въ призракахъ «старой, испытанной тактики», сильнѣйшихъ передовыхъ борцовъ новаго Интернаціонала, того Интернаціонала, о которомъ гласятъ наши тезисы: «Отечествомъ пролетаріевъ, защитѣ котораго должно быть подчинено все остальное, является соціалистическій Интернаціоналъ».

Съ привѣтомъ и рукопожатіемъ Вашъ

Францъ Мерингъ.

Берлинъ, 3 іюня 1918 г.

Размышленія о майскомъ праздникѣ въ Германіи[1]).

«Праздникъ перваго мая, не состоявшійся въ этомъ году нигдѣ въ имперіи, отпразднованъ только въ одномъ кругу, въ Берлинѣ. Г. Іоффе распорядился, чтобы сегодняшній день строго праздновался въ русскомъ посольствѣ. Работа совершенно прекратилась сегодня въ посольствѣ; даже посѣтителей не принимали. Въ честь перваго мая, какъ уже сообщалось, надъ дворцомъ посольства развѣвался красный флагъ русскаго революціоннаго правительства».

«Berliner Tageblatt», № 221, среда, 1 мая. Вечерній выпускъ.

Въ то время, какъ въ души наши врывается адскій грохотъ орудій, говорящій о томъ, что въ результатѣ безумной міровой бойни, по вычисленіямъ Интернаціональной Копенгагенской комиссіи, оказалось до конца 1917 года во всѣхъ воюющихъ странахъ, вмѣстѣ взятыхъ, 9 милліоновъ убитыхъ, 17 милліоновъ раненыхъ и 5 милліоновъ пострадавшихъ отъ войны, и о томъ, что ежедневно и ежечасно война уноситъ безсчетно новыя жизни; въ то время, какъ въ Финляндіи, на Украинѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ южной Россіи германскіе рабочіе продолжаютъ дѣло царскихъ палачей и должны «со слезами возмущенія на глазахъ», но оставаясь вѣрными военной дисциплинѣ и великой лжи о необходимости защиты отечества, подавлять пролетарскую революцію, въ то время, какъ наступленіе на западѣ противъ имперіалистовъ-конкурентовъ какъ будто довело, также при помощи германскихъ рабочихъ, дѣло смерти и разрушенія и торжество милитаризма до высшаго пункта, и дипломаты—послушные слуги генераловъ—распоряжаются судьбою народовъ, словно стадами безвольныхъ ягнятъ,—словомъ, въ ту эпоху, когда совершается неслыханная трагедія, исторія, между прочимъ, какъ будто бы выкидываетъ шутки и даже шутки остроумныя.

Развѣ не представляется исторической шуткой вышеприведенное сообщеніе «Berliner Tageblatt», и то, что можно было прочесть во многихъ другихъ газетахъ? Въ Берлинѣ, гдѣ, подобно Аргусу, стоитъ на-стражѣ полиція съ здоровенными кулаками и глядитъ во всѣ глаза, чтобы душевный покой филистера не смутили красныя ленты на какомъ-либо вѣнкѣ,—на улицѣ «Unter den Linden», недалеко отъ дворца Вильгельма II, столь часто объявлявшаго войну соціализму,

[1]) Статья принадлежитъ перу одного изъ старыхъ выдающихся германскихъ революціонеровъ. (Прим. Редакціи).

на улицѣ «Unter den Linden» развѣвается перваго мая красное знамя революціи! Развѣвается, какъ государственное знамя страны, бывшей еще недавно оплотомъ общеевропейской реакціи. Страну эту прославляли защитники угнетенія и эксплуатаціи и корыстные люди, а борцы за политическую и экономическую свободу ненавидѣли ее и боялись ея... Развѣвается, какъ знамя побѣдоноснаго революціоннаго, побѣдоноснаго соціалистическаго народнаго правительства.

И никакой начальникъ полиціи не можетъ распорядиться, чтобы грубая рука шуцмана стащила сверху это революціонное знамя, отъ котораго такъ скверно пахнетъ переворотомъ. Наоборотъ: и законъ и полиція имперіалистическо-націоналистической Германской имперіи должны ручаться за цѣлость и неприкосновенность этого международнаго символа пролетарской революціи. Ибо, какъ ни ужасно тяжело кавдинское иго, принять которое принудилъ Россію торжествующій германскій милитаризмъ, германскимъ правителямъ все же приходится оказывать почетъ побѣдоносной русской революціи.

Представители самаго реакціоннаго изъ правительствъ такъ называемаго культурнаго міра принуждены были сидѣть за однимъ столомъ съ представителями правительства революціоннаго и вести съ нимъ переговоры, а посольство этого правительства «бродягъ и заговорщиковъ» заняло въ Берлинѣ свое мѣсто на равныхъ правахъ съ другими.

Сила революціи оказалась могущественнѣе, чѣмъ «святость» принциповъ, которыми, якобы, опредѣляется политическая жизнь Германіи и дѣйствія ея правительства. Германскій монархизмъ призналъ право улицы, правда, лишь право улицы Петербурга, Москвы и другихъ русскихъ городовъ.

За кажущейся ироніей исторической случайности скрывается глубокая серьезность великихъ событій.

И именно эту серьезность почувствовали тѣ нѣмецкіе пролетаріи, классовое сознаніе которыхъ не помрачено «реально-политической» болтовней въ націоналистическомъ духѣ всякихъ Шейдемановъ, Куновыхъ, Генишей и т. п.

Съ болью и горечью пришлось имъ отказаться отъ празднованія всемірнаго пролетарскаго праздника перваго мая.

Само собой разумѣется, что правительственные соціалисты отказались отъ майскихъ манифестацій международнаго братства эксплуатируемыхъ и угнетаемыхъ всѣхъ странъ. Демонстрація явилась бы даже въ самой слабой и истощенной формѣ кровавой ироніей по отношенію къ политикѣ гражданскаго мира и голосованія кредитовъ со стороны этихъ господъ

Но и независимая соціалъ-демократія отказалась, подъ давленіемъ осаднаго положенія, цѣлаго ряда процессовъ противъ такъ называемыхъ «государственныхъ измѣнниковъ» и ужасающихъ приговоровъ военныхъ и гражданскихъ судовъ,—отъ призыва къ празднованію перваго мая или отъ офиціальнаго напоминанія о немъ. Нѣкоторыя мѣстныя организаціи независимой соціалъ-демократической партіи устроили тамъ и сямъ въ имперіи перваго мая собранія, разрѣшаемыя властями только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы о майскомъ праздникѣ тамъ не говорилось.

Все это происходило въ странѣ сильнѣйшихъ и такъ называемыхъ сознательнѣйшихъ рабочихъ организацій, богатѣйшихъ рабочихъ классовъ, въ странѣ, гдѣ имѣется такъ много соціалъ-демократическихъ избирателей и представителей соціалъ-демократіи какъ въ законодательныхъ палатахъ, такъ и въ органахъ управленія!

Развѣ не напрашивается по поводу краснаго знамени, развѣвающагося надъ русскимъ посольствомъ въ Берлинѣ, и его контраста—отсутствія празднованія перваго мая во всей Германской имперіи, сознательное изреченіе: «Послѣдніе будутъ первыми, а первые будутъ послѣдними!»

Раздробленъ германскій авангардъ второго соціалистическаго Интернаціонала: часть его не желаетъ, другая часть не имѣетъ возможности провести празднованіе всемірнаго праздника борющагося пролетаріата.

Въ качествѣ авангарда международнаго соціализма, его знаменосца и застрѣльщика, завоевавшій государственную власть молодой, революціонный пролетаріатъ Россіи сдѣлалъ день перваго мая государственнымъ праздникомъ.

Въ этихъ двухъ фактахъ находитъ свое выраженіе великій моментъ историческаго развитія.

Го, что происходитъ въ Германіи и въ Россіи, то, что есть, опредѣляетъ судьбы пролетаріевъ, судьбы народовъ всѣхъ странъ не только въ настоящее время: этотъ факторъ будетъ дѣйствовать и въ будущемъ.

Майскій праздникъ былъ единственною попыткой второго Интернаціонала — спаять пролетаріевъ всего міра для дѣйствія въ широкомъ масштабѣ. По своему существу и содержанію праздникъ этотъ долженъ былъ быть революціоннымъ волеизъявленіемъ, вызовомъ буржуазному обществу, актомъ свободной воли въ противоположность этому обществу и его порядку, его праздникамъ и властямъ.

Формой первомайскаго праздника—хотѣлось бы сказать: его естественной формой—была стачка, отдыхъ отъ работъ— наиболѣе совершенное выраженіе его существа.

Но въ Западной Европѣ содержаніе первомайскаго праздника въ большинствѣ случаевъ постепенно испарилось.

Торжественная демонстрація пролетарскими массами воли къ борьбѣ превратилась въ уютный семейный праздникъ. Проведеніе въ жизнь постановленія о международномъ праздновапіи перваго мая все болѣе и болѣе замѣнялось его истолкованіемъ. Первое мая стало пониматься какъ праздникъ, а не какъ прекращеніе работъ.

Особенно роковымъ является эволюція первомайскаго праздника въ Германіи. Она шла въ общемъ въ нисходящемъ порядкѣ. Уже самый первый майскій праздникъ въ Германіи являлся боязливымъ отступленіемъ отъ постановленія международнаго парижскаго конгресса. Послѣ того, какъ профессіональные союзы недѣлями трубили, подготовляя мощную манифестацію, президіумъ соціалъ-демократической партіи сдѣлалъ наканунѣ первомайскаго праздника робкое и неловкое заявленіе, которымъ онъ разорвалъ сомкнувшіеся ряды борцовъ и ободрилъ классъ капиталистовъ къ сопротивленію и къ мести.

Демонстрація была поставлена на ложный путь. То, что должно было быть актомъ свободной жертвы, волей къ борьбѣ съ яснымъ сознаніемъ цѣли, было низведено, въ концѣ концовъ, на степень некрасиво оспариваемаго вопроса о вспомоществованіи. Съ отвращеніемъ и стыдомъ вспоминаешь о преніяхъ на партійномъ съѣздѣ 1913 г. объ обязанностяхъ партійныхъ и префессіональныхъ служащихъ усиливать майскій фондъ опредѣленными взносами. Переговоры о майскомъ праздникѣ сдѣлались уже за нѣсколько лѣтъ до начала войны состязаніемъ въ плоскости, въ грубомъ эгоизмѣ и въ близорукости.

Подобно зажигательному стеклу, которое собираетъ въ одну точку солнечные лучи, переговоры эти соединили почти все то, что привело германскую соціалъ-демократію къ жалкому банкротству 4-го августа 1914 г.

Въ судьбѣ первомайскаго праздника видна была тѣнь судьбы германской соціалъ-демократіи. Не говоря о другихъ факторахъ, уже это обстоятельство оказало сильнѣйшее вліяніе на сведеніе политической борьбы къ парламентской болтовнѣ... Мѣсто требующихъ и дѣйствующихъ массъ заступилъ парламентскій кретинизмъ, затемнившій историческое пониманіе классовыхъ противорѣчій и классовой борьбы: на смѣну непосредственнаго массоваго дѣйствія явились парламентскія рѣчи.

Первомайскій праздникъ хирѣлъ и изнывалъ подъ давленіемъ плохо понятаго, переоцѣненнаго и обуржуазившагося парламентаризма, вмѣсто того, чтобы революціонизировать живительнымъ дѣйствіемъ движенія подземнаго Алерона, вмѣсто того, чтобы сообщить парламентаризму новыя силы и сдѣлать его плодотворнымъ. И майскому празднику

пришелъ конецъ въ болотѣ 4-го августа. Но только въ на
стоящее время и находившему; и въ этомъ мы твердо убѣ-
ждены—только въ настоящее время и только повидавшему.

Ибо, вопреки и вопреки всему, идея майскаго праздника продолжаетъ жить въ широкихъ и все растущихъ кругахъ германскаго рабочаго класса; идея эта найдетъ въ Германіи снова и форму и выраженіе, воплотится и здѣсь опять въ плоть и въ кровь, и выступитъ на арену исторіи въ лицѣ сознательныхъ пролетаріевъ, дѣйствуя въ качествѣ историческаго фактора. Это предвѣщаетъ не только прогрессирующій процессъ выясненія и самопознанія организованнаго авангарда германскаго пролетаріата,—это обезпечивается и историческими условіями существованія рабочаго народа, сложившимися за время всемірной войны не противъ международнаго соціализма, а на пользу ему.

Взоры бодрствующихъ и пробуждающихся пролетаріевъ направлены и въ Германіи въ сторону Россіи, гдѣ соціалистическій первомайскій праздникъ развивался по восходящей линіи.

Увѣнчанные неувядаемыми лаврами, получившіе крещеніе въ огнѣ и въ крови, вписываютъ майскія празднества въ Петербургѣ, Варшавѣ и другихъ многочисленныхъ центрахъ пролетарской жизни, одну страницу за другой, въ исторію славной борьбы русскихъ рабочихъ за свободу, за соціалистическій Интернаціоналъ. Здѣсь массовая воля, массовое дѣйствіе, массовый героизмъ и массовое мученичество, доведшее до кульминаціоннаго пункта славную и смѣлую ноябрьскую революцію 1917 года.

Въ ужасное время, когда, сражаясь и убивая другъ друга, столкнулись лицомъ къ лицу милліоны людей, которые должны были бы въ братскомъ единеніи совмѣстно строить новый міръ соціализма, революція эта является вѣрою и надеждой вновь находящихъ себя и собирающихъ свои силы пролетарскихъ массъ Германіи. Русская ноябрьская революція указываетъ имъ на возможности самостоятельнаго пролетарскаго волеизъявленія и пролетарскаго революціоннаго массоваго дѣйствія, вопреки раздражающему, размягчающему вліянію жалкаго парламентаризма, который насквозь пропитался буржуазностью, и вопреки также дѣйствію желѣзной, дробящей машины милитаризма.

Русская революція возвращаетъ имъ убитую вѣру въ собственныя силы.

Благодаря ноябрьской революціи и организаціи Народнаго Правительства Совѣтовъ, русскій пролетаріатъ поставилъ себя во главѣ борцовъ-пролетаріевъ всего міра, которые стремятся къ осуществленію соціализма и должны осуществить его.

Его братья въ Германіи, которые начинаютъ подыматься изъ состоянія глубочайшаго униженія и позора, проникнуты убѣжденіемъ, что этотъ юный, мужественный и готовый на жертвы пролетаріатъ имѣетъ въ себѣ силу поддержать и продолжать грандіозное дѣло революціи.

Революціонная, революціонизированная Россія—это часть революціонной Европы, въ ближайшемъ будущемъ часть революціоннаго міра.

Убѣжденные въ этомъ, привѣтствовали безчисленные германскіе пролетаріи перваго мая появившееся въ Берлинѣ знамя русской революціи съ радостной и горделивой улыбкой на устахъ по поводу ироніи всемірной исторіи и съ благоговѣніемъ въ сердцѣ передъ подвигомъ народной воли, съ мужественнымъ довѣріемъ къ своимъ силамъ и съ клятвой возможно скорѣе научиться «говорить по-русски».

Глашатай въ борьбѣ.

„Leipziger Volkszeitung" о Россійск. Совѣтской Республикѣ.

Въ № 122 «Leipziger Volkszeitung» мы находимъ интересную передовицу, ярко характеризующую отношеніе независимыхъ германскихъ соціалъ-демократовъ къ нашей Совѣтской Республикѣ.

Авторъ статьи возражаетъ, прежде всего, противъ утвержденія, будто русская революція является военнымъ переворотомъ, и подчеркиваетъ, что переворотъ совершенъ солдатами, но не арміей, въ противоположность, напримѣръ, турецкой революціи.

Солдаты возстали, сознавая себя частью великаго русскаго народа, «за хлѣбъ, за миръ, за землю и за волю»... Истинный характеръ русской революціи—соціалистическій...

Хотя съ формальной стороны русская революція и является слѣдствіемъ неудачной и преступной войны, въ соціально-психологическомъ отношеніи она является плотью отъ плоти и кровью отъ крови революціи 1905/6 годовъ.

Тѣ внутреннія противорѣчія, которыми обусловливалась революція, усилились за періодъ реакціи и должны были привести къ открытому возстанію.

Тотъ фактъ, что первая русская революція оказалась подавленной, нисколько не уменьшитъ внутреннюю необходимость соціально-экономическаго характера новой попытки осуществить тѣ революціонныя цѣли, во имя которыхъ боролись и страдали годами лучшіе сыновья и дочери русской земли.

Внѣшнія условія, порожденныя войной, наложили на русскую революцію отпечатокъ въ томъ отношеніи, что къ прежнему лозунгу: «за хлѣбъ и свободу!», прибавился еще новый девизъ: «за миръ!» Постороннему наблюдателю могло бы показаться, что этотъ послѣдній лозунгъ затемняетъ собою другіе. Но это только казалось бы такъ. Миръ былъ нуженъ солдатамъ не столько какъ самоцѣль, сколько какъ средство для разрѣшенія аграрнаго вопроса. Русская революція очень быстро закончила свою буржуазную фазу развитія и, принявъ пролетарскій характеръ, превратилась въ революцію соціалистическую.

Никто не посмѣетъ сказать солнцу: «Остановись!», а если бы кто и посмѣлъ, то слова его остались бы лишь звукомъ пустымъ. Тѣ, которые пытались положить конецъ грандіозному восходу на Востокѣ краснаго солнца соціализма, должны были потерпѣть постыдное пораженіе. Они не могли остановить побѣдоноснаго шествія великой революціи и должны были быть сметенными революціоннымъ потокомъ массъ.

Революція приняла бы пролетарскій характеръ даже и въ томъ случаѣ, если бы въ Россіи не было ни одной партіи, которая сумѣла бы руководить этимъ движеніемъ.

Но такая партія есть: это большевики.

Въ 1917 году партія большевиковъ понимала этотъ своеобразный характеръ русской революціи. Революція тотчасъ же вылилась въ организаціонныя формы, завѣщанныя ей революціей 1905 г. Примѣненіе забастовки на этотъ разъ не понадобилось, такъ какъ революція сразу же приняла форму вооруженнаго возстанія, завершившагося побѣдой, благодаря поддержкѣ солдатъ. Ярко обнаружилась внутренняя слабость русскаго самодержавнаго строя, этого «колосса на глиняныхъ ногахъ». Самодержавіе слетѣло съ изумительною легкостью, подобно карточному домику.

Меньшевистско-эсъ-эровское правительство Керенскаго, осуществлявшее подъ соціалистической маской буржуазныя стремленія, пало менѣе чѣмъ въ 24 часа, почти безъ кровопролитія, и единственный въ исторіи грандіозный соціалистическій переворотъ быстро охватилъ всю могучую территорію, отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана и отъ Ледовитаго океана до Средиземнаго моря.

Что касается формы правленія, то завѣщанные 1905 годомъ «Совѣты рабочихъ депутатовъ» превратились въ 1917 г. въ Совѣты Рабочихъ, Солдатскихъ, а потомъ и Крестьянскихъ Депутатовъ. Являясь единственной формой классовой организаціи, они сыграли въ процессѣ возстанія роль сборныхъ пунктовъ, вокругъ которыхъ организовалось возстаніе. Именно благодаря этому своему классовому харак-

теру, Совѣты должны были превратиться изъ органовъ возстанія въ органы власти, представляя изъ себя единственную пригодную и практически-примѣнимую форму классовой диктатуры. Часто приходится слышать возраженіе, будто Совѣты не выражаютъ воли всего народа. Возраженіе это опровергается тѣмъ, что классовая диктатура вовсе не предполагаетъ строго пропорціональнаго отношенія между общественными группами. Понятіе «классъ» вовсе не соотвѣтствуетъ понятіямъ «нація» или «народъ» и не покрываетъ собою ихъ. Понятіе «классъ», съ одной стороны, шире, чѣмъ понятіе «нація», ибо первое изъ нихъ интернаціонально и охватываетъ собою извѣстный классъ **всѣхъ націй.** Съ другой стороны, понятіе это уже, такъ какъ въ каждомъ народѣ имѣется нѣсколько классовъ. Но классовая диктатура — на то и диктатура, чтобы подчинять волѣ и власти одного класса волю и власть другихъ классовъ. Въ періодъ диктатуры пролетаріата да не устрашитъ вождей его то соображеніе, что, блюдя интересы пролетаріата, они оставляютъ иногда безъ вниманія интересы другихъ классовъ. Вѣдь въ періодъ диктатуры буржуазіи правящіе классы никогда не терзаютъ себя упреками за недостаточно внимательное отношеніе къ интересамъ пролетаріата. **Они ведутъ, наоборотъ, безпощаднѣйшую борьбу противъ пролетаріата,** не имѣя возможности оправдать себя тѣмъ, что они опираются на большинство.

Въ Совѣтахъ могутъ быть представлены всѣ граждане, сорганизовавшіеся въ профессіональные союзы. Буржуазія не представлена въ Совѣтахъ не потому, что она не допускается туда, а потому, что она не желаетъ организоваться по пролетарской схемѣ.

Совѣтское представительство имѣетъ то преимущество передъ всѣми другими формами правленія, что оно всегда выражаетъ реальное соотношеніе силъ, что является особенно важнымъ въ революціонный періодъ.

«Революція», справедливо замѣтилъ Марксъ, «это—локомотивъ исторіи».

Поэтому демократическое представительство является совершенно не демократичнымъ, если оно основывается на выборахъ на опредѣленный, болѣе или менѣе продолжительный срокъ и если оно связано съ различными техническими формальностями, дѣлающими его мало эластичнымъ. Изъ этого слѣдуетъ, что такое представительство не соотвѣтствуетъ потребностямъ быстрымъ темпомъ идущаго впередъ революціоннаго развитія.

Роспускъ Учредительнаго Собранія въ Россіи оправдывается не только съ точки зрѣнія права классовой диктатуры, но и съ точки зрѣнія чистой демократіи.

Списки избирателей въ Учредительное Собраніе составлены были еще въ то время, когда партія революціоннаго пролетаріата, ожидавшая впослѣдствіи побѣду, составляла меньшинство даже въ Совѣтахъ.

Совѣты, откуда каждый членъ можетъ быть въ любое время отозванъ своими избирателями, являются органами, значительно болѣе эластичными. Учредительное же Собраніе представляло изъ себя въ тотъ моментъ, когда оно собралось, уже давно отжившій этапъ русской революціи.

Едва ли можно было бы вручить ему власть надъ народомъ, который уже давно лишилъ довѣрія своихъ прежнихъ представителей.

Благодаря полному уничтоженію опредѣленнаго срока и признанію права производить въ любое время новые выборы, Совѣтское представительство довело свою собственную эластичность до maximum'a, а потому оно отвѣчаетъ наилучшимъ образомъ основнымъ правиламъ демократіи.

Авторъ статьи замѣчаетъ, что, благодаря господству мелкобуржуазной морали, обычно принято поклоняться фетишу «свободы», при чемъ не обращаютъ вниманія на то, что эта мелкобуржуазная «свобода» перестаетъ быть свободой, если разсматривать ее сквозь призму пролетарскихъ интересовъ. Буржуазная «свобода» куетъ новыя цѣпи пролетаріату. Буржуазное «равенство» означаетъ пролетарское неравенство; братство же существуетъ нынѣ лишь для сильныхъ міра сего!!

Заявленіе о солидарности съ большевиками во второй вюртембергской палатѣ.

На состоявшемся 12 мая засѣданіи второй вюртембергской палаты депутатъ ландтага товарищъ Хошка выразилъ съ освѣжающей ясностью и силой свою солидарность съ русской ноябрьской революціей, съ большевиками и Совѣтской властью. Его заявленіе находится въ рѣзкой противоположности съ тою линіей, которую провели вожди зависимой соціалъ-демократіи между собой и грандіознымъ возстаніемъ революціонныхъ соціалистовъ въ Россіи. Заявленіе это выгодно отличается также и отъ черезчуръ осторожной, колеблющейся позиціи вождей независимой соціалъ-демократіи. Оно можетъ быть оцѣнено, какъ выраженіе чувствъ и убѣжденій широкихъ пролетарскихъ массъ въ Германіи.

Товарищъ Хошка — рабочій текстильной промышленности — принадлежитъ къ группѣ «Интернаціоналъ» (или «Спартакъ»), входящей въ партію независимыхъ соціалъ-демократовъ. Во время войны онъ имѣлъ возможность изъ-за своихъ убѣжденій «восторгаться» германской «свободой»

за стѣнами тюрьмы. Онъ—не изъ тѣхъ, извѣстныхъ всему міру, вождей соціалъ-демократіи, чьи голоса находятъ отзвукъ въ газетахъ, это—рядовой работникъ, типъ сознательно-борющагося пролетарія, упорнымъ трудомъ добивавшагося образованія. Все это придаетъ его заявленію особую цѣну.

Товарищъ Хошка поставилъ заявленіе о солидарности съ революціоннымъ подвигомъ нашихъ русскихъ товарищей во главѣ своей рѣчи, соотвѣтственно значенію этого предмета.

Онъ сказалъ: «Господа, мы разсматриваемъ совершившееся иначе, чѣмъ партійные ораторы, говорившіе до сихъ поръ. Иначе оцѣниваемъ мы и то, что, по всей вѣроятности, наступитъ въ будущемъ. Наша позиція по отношенію къ военной политикѣ и ко всему обществу направляется какъ разъ въ противоположную сторону. Мы смотримъ на то, что разыгралось на міровой аренѣ послѣ послѣдняго государственнаго совѣщанія, съ гордостью и радостью, но въ то же время и съ нѣкоторой скорбью.

Мы гордимся нашими заграничными друзьями, большевиками, и радуемся имъ. (Смѣхъ и возгласъ справа: «Они могутъ тогда сильно возмечтать о себѣ!»)

Смѣхъ никогда еще не могъ служить доказательствомъ чего-либо... мы гордимся большевиками, свершившими столь великое дѣло, благодаря своимъ подвигамъ въ борьбѣ противъ капитализма.

Мы восторгаемся ихъ рѣшительностью и высказываемъ благодарность имъ, этимъ передовымъ революціоннымъ борцамъ, за ихъ борьбу, изъ которой вышла побѣдительницей первая пролетарская революція.

Согласны ли мы съ каждымъ дѣйствіемъ ихъ въ отдѣльности,—это будетъ видно тогда, когда окажутся въ нашемъ распоряженіи отчеты, не прошедшіе черезъ нѣмецкую цензуру. Фактъ таковъ, что сейчасъ въ Россіи происходитъ великая реформаторская дѣятельность, которою могъ бы гордиться не одинъ германскій буржуй, если бы удалось ему провести ее; но всѣ эти хорошія вѣсти замалчиваются и скрываются германской цензурой, и до нѣмецкаго общества доходятъ однѣ лишь страшныя сказки. Но если бы даже въ этой борьбѣ друзья наши и сдѣлали какіе-либо небольшіе промахи, то они ихъ давно загладили своей общей политикой, принесшей Россіи миръ.

Изъ хода русской революціи каждый можетъ научиться тому (возгласы и смѣхъ), что **революція не требуетъ и тысячной доли того количества жертвъ, какого требуетъ война, и что политическій прогрессъ, являющійся въ результатѣ ея, безконечно больше того, который получается за цѣлое столѣтіе мирнаго развитія.** Нужно надѣяться, что рабочіе научатся этому.

Благодаря политикѣ большевиковъ, а не фельдмаршала Гинденбурга, прекратилось отправленіе русскихъ пролетаріевъ на бойню въ интересахъ капитализма (возгласы справа: «А въ интересахъ большевиковъ?»). Нѣсколько крупныхъ помѣщиковъ, это еще немного въ сравненіи съ бойней на Западѣ. Массовое убійство приняло тамъ, къ сожалѣнію, большіе размѣры, въ чемъ виновата отчасти и политика господъ правительственныхъ соціалистовъ. (Смѣхъ.) Я убѣжденъ, что безъ поддержки военной политики правительственными соціалистами, начиная съ 4 августа, столь продолжительная бойня оказалась бы невозможною. Лишь благодаря этой поддержкѣ, война получила и другой характеръ. Въ нашъ вѣкъ войны могутъ быть лишь имперіалистическими.

Благодаря тому, что соціалисты пѣли въ унисонъ съ капиталистическими партіями, на войну былъ наклеенъ ярлыкъ «оборона»; подъ этимъ лозунгомъ «оборонительной» войны вотъ уже почти цѣлыхъ четыре года продолжаются разстрѣлы и убійства. Быть-можетъ, будутъ и дальше убивать, прикрываясь этой формулой. Когда позиція различныхъ соціалистическихъ партій въ этой войнѣ сдѣлается достояніемъ исторіи, то послѣдняя вынесетъ, по нашему убѣжденію, такого рода приговоръ: **Ленинъ и Троцкій были спасителями русскаго пролетаріата, Карлъ Либкнехтъ въ Берлинѣ и Фридрихъ Адлеръ въ Вѣнѣ пробудили пролетаріатъ средне-европейскій,** а правительственные соціалисты будутъ выставлены къ позорному столбу въ качествѣ предателей международнаго соціализма (возгласы депутата Кейля).

Господа, я не завидую господину Кейлю въ отношеніи побѣдъ въ Нидербарнимѣ и Цвиккау (депутатъ Кейль: «Вамъ ничего болѣе и не остается»). Я былъ бы радъ, если бы оппозиціи удалось тамъ получить большее количество голосовъ, но я смотрю на эти выборы съ той же точки зрѣнія, какъ на прежніе септинатскіе и готтентотскіе выборы. Пусть народъ вернется съ войны,—онъ тогда заговоритъ инымъ языкомъ. Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что именно въ Цвиккаускомъ избирательномъ округѣ, къ которому относится и крупный Кримичаускій округъ, большинство рабочихъ занято въ текстильной промышленности. Мужчины-ткачи находятся на войнѣ и не получаютъ отпуска, такъ какъ для нихъ не имѣется работы, а у женщинъ, которыя играютъ въ настоящее время въ промышленности рѣшающую роль, нѣтъ права голоса. Мы, такимъ образомъ, не завидуемъ этой побѣдѣ; позже мы еще поговоримъ объ этомъ. Господа! **Чѣмъ сильнѣе забрасываетъ нынѣ грязью буржуазная и соціалъ-патріотическая пресса Ленина, Троцкаго, Либкнехта и Адлера, тѣмъ горячѣе будетъ ихъ лю-**

бить рабочій классъ, и любовь эта останется: это наше глубокое убѣжденіе (депутатъ Андрэ: «Такъ переходите же въ Россію»). Господинъ Андрэ, волею судебъ мнѣ приходится быть здѣсь (сильный смѣхъ), и германскій милитаризмъ не даетъ мнѣ ни малѣйшей возможности перебраться въ Россію: иначе я тотчасъ же отправился бы туда. (Депутатъ Гаусманъ: «Идите же въ Цвиккау, вамъ надо итти въ Цвиккау»). Насколько правъ былъ, впрочемъ, Троцкій, заявившій: миръ, но безъ подписанія договора,—это доказываютъ событія въ Финляндіи и на Украинѣ. То, что продѣлываетъ германское правительство въ Финляндіи и на Украинѣ—не что иное, какъ контръ-революція въ пользу финляндскихъ и украинскихъ капиталистовъ (депутатъ Графъ: «Это опять ваша теорія»). Рабочіе всего міра наглядно обучаются тамъ тому, какъ легко совершить революцію, если есть увѣренность въ своей силѣ. Стоитъ только засадить одно правительство подъ арестъ, а на его мѣсто поставить другое,—и революція свершится безъ единой капли крови (депутатъ Андрэ: «У насъ такъ гладко не пройдетъ»). Мы, революціонеры, намѣреваемся поставить вверхъ ногами весь общественный порядокъ, но абсолютно не желаемъ кровопролитія. Если обстоятельства сложатся инымъ образомъ, то мы поступимъ иначе. Само собой разумѣется, мы не испугаемся, если намъ придется при этомъ порѣзать себѣ пальцы. **Глубоко сожалѣемъ мы о томъ, что германскихъ рабочихъ использовали и что они дали себя использовать въ цѣляхъ подавленія побѣдоносной революціи въ Россіи, Финляндіи и на окраинахъ Россіи.** Это способствовало заключенію насильническаго мира, который можетъ повлечь или, лучше сказать, повлечетъ за собой—новыя войны. Я говорю нарочно: «можетъ», такъ какъ полагаю, что послѣднее слово на Востокѣ еще не произнесено. Если же при объясненіи этомъ будетъ сказано послѣднее слово, то, вопреки Рорбаху, ясно, какъ дважды два—четыре, что послѣдуютъ новыя войны. Я слѣдилъ за писаніями Рорбаха. Онъ попалъ впросакъ со своими перспективами въ области восточной политики, и не можетъ быть, чтобы онъ оказался правъ какъ разъ на Востокѣ, ибо такъ называемые «народы окраины» и слышать не хотятъ о присоединеніи къ Пруссіи. Пруссія—не такого рода страна, которая способна притягивать къ себѣ другіе народы. Эту страну не любятъ даже въ Германіи. Примкнуть къ ней собираются, въ лучшемъ случаѣ, балтійскіе бароны, родственные по происхожденію прусскому юнкерскому классу. Господа! Подобные призывы о помощи со стороны нѣмецкихъ бароновъ—не поводъ для Германіи. Мы слышали ихъ уже во время русской революціи 1905 года. Тогда тоже раздавались крики о помощи, только направлялись они въ то время не въ Берлинъ, а въ

Петербургъ—къ царю. Населеніе окраинъ, которое якобы хочетъ примкнуть теперь къ Пруссіи, оказалось бы въ еще болѣе сильной степени испуганнымъ, если бы оно имѣло возможность слѣдить за послѣднимъ совѣщаніемъ въ прусской палатѣ депутатовъ. Но нѣмецкая цензура заботится и у нихъ о томъ, чтобы они не узнали, къ какому славному отечеству собираются ихъ присоединить. Репутація Пруссіи улучшится лишь тогда, когда самъ прусскій народъ покончитъ съ юнкерской политикой. По моему мнѣнію, прусское избирательное право могло бы подвергнуться измѣненію въ двухсуточный срокъ, если бы было серьезное желаніе у народа, заинтересованнаго въ этомъ вопросѣ, особенно же у рабочаго класса. Они должны бы взять себѣ слѣдующій пароль: **„Безъ правъ никакихъ обязанностей! Защищайте сами свой кошелекъ!“**, и я увѣренъ, что прусское правительство и прусскіе юнкера пошли бы навстрѣчу рабочимъ если бы они увидѣли, что дѣло идетъ объ ихъ имуществѣ. Пока же прусскіе юнкера видятъ, что рабочіе подставляютъ свою голову за ихъ интересы и въ то же время довольствуются плохой, несправедливой избирательной системой,—они не откажутся отъ своихъ привилегій. Что рабочіе до сихъ поръ еще не сдѣлали этого вывода,—въ этомъ виноватъ правительственный соціализмъ. Каждый разъ, когда рабочіе идутъ на приступъ и уже почти достигаютъ вершины горы, трубный звукъ «реальныхъ политиковъ» отзываетъ ихъ назадъ въ интересахъ прусскаго юнкерства.

Намъ обычно становится смѣшно, когда мы прочитываемъ въ газетахъ или слышимъ изъ рѣчей (какъ это было вчера и сегодня) о заботахъ Германіи «о свободѣ, правѣ и порядкѣ». Господа, **если бы германское правительство хотѣло позаботиться о свободѣ и правѣ внутри Германіи, ему не зачѣмъ было бы вторгаться со своими войсками въ Лифляндію, Эстляндію, Украину и Финляндію: и въ самой Германіи дѣла было бы по горло.** Какъ же обстоитъ у насъ дѣло со свободой, правомъ и такъ называемымъ «порядкомъ»? **Тысячи нашихъ товарищей сидѣли и сидятъ въ тюрьмахъ потому только, что они не согласны съ разбойничьей военной политикой и борются за лучшій строй жизни.** При обсужденіи проекта винной монополіи депутатъ Картесъ напомнилъ намъ объ одномъ изъ лучшихъ изреченій Евангелія, о томъ, что надо любить и своихъ враговъ. Но г. Картесъ примѣнилъ, къ сожалѣнію, эти слова только по отношенію къ такому врагу народа, какъ водка. (Смѣхъ.) Мы не обиваемъ пороговъ у церквей, но думаемъ, что являемся истинными толкователями этого евангельскаго изреченія. Мало того, оно вошло намъ въ плоть и кровь: мы любимъ всѣ націи, всѣ расы. **Въ уничтоженіи жизни чело-**

вѣка, къ какой бы націи ни принадлежалъ послѣдній, мы видимъ утрату части своей собственной силы (депутатъ д-ръ Мюльбергъ: «Лишь бы это не былъ король!»). Вообще я полагаю, господа, что какъ разъ людямъ, вѣрующимъ въ Евангеліе, не слѣдовало бы въ настоящее время цитировать такъ много евангельскихъ изреченій, иначе они могутъ попасть въ неловкое положеніе. Какъ поступаютъ люди, вѣрующіе въ евангельское ученіе? Дѣйствуютъ ли они сообразно этому ученію, хотя, можетъ-быть, слышатъ о немъ въ церквахъ очень часто? Въ Евангеліи говорится: у кого имѣется двѣ одежды, пусть отдастъ одну изъ нихъ неимущему. Въ дѣйствительности же богатый человѣкъ имѣетъ шесть или семь костюмовъ, а бѣдняки могутъ ходить и нагими. (Смѣхъ.) Въ Евангеліи говорится: «Легче верблюду пройти черезъ игольное ушко, чѣмъ богатому попасть въ Царство Небесное»... А мы видимъ, что въ цилиндрахъ и съ туго набитыми кошельками усердно посѣщаютъ церковь, а о практическомъ выполненіи этихъ словъ они и не думаютъ. Не говорю уже о пятой заповѣди: «Не убій!» Духовенство обоихъ вѣроисповѣданій молится и Богу и дьяволу, когда этого требуютъ отъ нихъ, и все ради отечества. (Звонокъ предсѣдателя. Предсѣдатель: «Это недопустимое выраженіе. Призываю васъ къ порядку».) Это уже достаточно ясно, но, господа, военныя власти поступаютъ съ нами въ дѣйствительности совсѣмъ по-иному: **кого посадятъ въ тюрьмы, тѣхъ забираютъ въ солдаты** и полагаютъ, что солдатская шинель заставитъ ихъ присмирѣть. **Единомышленниковъ нашихъ посылаютъ на фронтъ, не принимая во вниманіе ни возраста, ни семейнаго положенія.** Въ этомъ отношеніи въ рейхстагѣ дѣлалось уже достаточно указаній. Я приведу лишь одинъ изъ многихъ случаевъ. Нашъ товарищъ по партіи, служащій въ профессіональномъ союзѣ Гуго Редель, былъ высланъ по этапу. Ему не дано было даже возможности проститься съ больной дочерью, находящейся въ госпиталѣ, и съ тяжело больною, лежащей безъ сознанія въ постели, женой. Въ длинномъ письмѣ, адресованномъ мнѣ, онъ, между прочимъ, пишетъ: «Укажу между прочимъ, что пришлось итти мнѣ, я болѣе старый и живущій въ наименѣе благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ, былъ призванъ раньше, чѣмъ другіе, моложе меня и столь же пригодные къ военной службѣ, какъ и я. Насъ стараются смирить либо въ тюрьмѣ, либо на военной службѣ. (Возгласъ депутата Лауба: «Я увѣренъ, что, господа, разсчитывающіе на это, разочаруются въ своихъ ожиданіяхъ».) Однимъ изъ многихъ случаевъ, отдѣльной, такъ сказать, главой, но весьма печальной, чрезвычайно печальной, является хозяйничаніе **цензуры въ Вюртембергѣ.** Депутатъ Гаусманъ уже сдѣлалъ

замѣчаніе общаго характера, но я полагаю, что ему нечего сказать, кромѣ общаго замѣчанія, такъ какъ его партійной прессѣ, быть-можетъ, не приходится отъ этого страдать. (Деп. Гауманъ: «О да!») Иначе, разумѣется, обстоитъ дѣло съ прессой нашей партіи. **Вычеркиваніе цѣлыхъ статей, отдѣльныхъ отрывковъ, частей предложенія, не нравящихся цензурѣ, практикуется въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ это дѣлалось раньше.** Штутгартскій цензоръ не считается съ неоднократными заявленіями въ рейхстагѣ о томъ, что цензура вводится только для вопросовъ, связанныхъ съ войной. Приведу одинъ лишь примѣръ. Въ одной статьѣ нашего еженедѣльника «Соціалъ-Демократъ», подлежащаго предварительной цензурѣ, обсуждалась выдвинутая въ Брестъ-Литовскѣ формула Троцкаго: «войну не вести, но и не подписывать мира». Тамъ, между прочимъ, говорилось: «Газета «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» негодуетъ на эту непредусмотрѣнную въ программѣ, позицію русскихъ», далѣе слѣдуетъ цитата изъ вышеупомянутой газеты. Слѣдующее предложеніе вычеркнуто цензоромъ. Оно гласило: «Въ словахъ этихъ чувствуется вся полнота «законнаго» негодованія тайнаго совѣтника на то, что какой-то неизвѣстно откуда взявшійся международный бродяга Троцкій, котораго нѣмецкая пресса давно бы скушала цѣликомъ, не будь онъ столь неудобоваримъ,—этотъ Троцкій смѣетъ примѣнять свой собственный методъ, вопреки собраннымъ въ толстыхъ фоліантахъ историческимъ изслѣдованіямъ, которыя являются въ большей степени результатомъ усидчивости, чѣмъ ума». Фраза эта—совершенно невинная, не имѣющая абсолютно никакого отношенія къ военнымъ дѣламъ, къ командованію войсками, къ имперскому правительству и такъ далѣе. Въ этой же статьѣ вычеркнули еще болѣе невинную фразу, направленную противъ одного замѣчанія въ газетѣ «Hallesches Volksblatt»! Указанная газета — органъ независимыхъ, органъ оппозиціи. Но и это было вычеркнуто. И не только это. Не пропускается даже критика нашихъ собственныхъ товарищей,—поскольку есть за что ихъ критиковать. Зачастую кажется мнѣ, будто цензоръ дѣйствуетъ спросонья и не видитъ, что онъ вычеркиваетъ. Фракція Кейля пользуется особымъ вниманіемъ цензора.

Въ одной статьѣ о политикѣ правительственныхъ соціалистовъ въ вюртембергскомъ ландтагѣ, напримѣръ, вычеркнуты всѣ мѣста, въ которыхъ говорится объ измѣнившейся позиціи этихъ господъ по отношенію къ монархіи. Съ начала войны дѣйствовало правило, въ силу котораго статьи, прошедшія черезъ берлинскую цензуру, могутъ печататься по всей имперіи безъ дальнѣйшей цензуры. За послѣднее время вюртембергская цензура не придерживается этого

правила: она безъ всякихъ церемоній вычеркнула статью, пропущенную въ Берлинѣ. Но это еще далеко не самое худшее. Вюртембергская цензура вычеркиваетъ даже №№ квитанцій на деньги, приходящія съ театра войны. Самымъ новымъ подвигомъ цензуры является сообщеніе, сдѣланное нашей редакціи. Въ немъ говорится: «Симъ воспрещается вашему изданію принимать объявленія или другого рода сообщенія, касающіяся созыва собраній въ томъ случаѣ, если собранія еще не разрѣшены. Одновременно съ присылкой газеты для предварительной цензуры необходимо прилагать для извѣщеній и другихъ публикацій, касающихся собраній, справки, что разрѣшеніе на нихъ получено. За начальника штаба: подполковникъ Брейэръ». Гг., газета наша, выходящая по субботамъ, должна сдаваться уже въ среду въ предварительную цензуру, а печататься въ четвергъ. Городское же правленіе выдаетъ разрѣшеніе на собранія лишь въ четвергъ той недѣли, на которой они должны состояться.

Письменное разрѣшеніе получается зачастую лишь незадолго до устройства собранія. Постановленіе главнаго командованія сводится, такимъ образомъ, на практикѣ къ полнѣйшему запрещенію публикацій о собраніяхъ. Гг., я могъ бы разсказывать еще цѣлые часы о томъ, какъ обращаются военныя власти съ нашею партіей. Я могъ бы привести много жалобъ на военную цензуру, но нервы у насъ ужъ такъ притупились на это».

Т. Хошка подвергъ затѣмъ критикѣ практикующееся двоякое право: одно—для независимыхъ с.-д., другое—для правительственныхъ «соціалистовъ», которыхъ Вестмейэръ справедливо заклеймилъ въ прошломъ году прозвищемъ «партіи прислужниковъ».

Онъ напомнилъ, между прочимъ, о томъ, что первой изъ названныхъ партій не разрѣшено было въ «демократическомъ» Вюртембергѣ съ 1915 г. ни одного публичнаго собранія, и что ей запрещено было даже празднованіе памяти Маркса, въ то время, какъ «переучившіеся»[1]) получили это разрѣшеніе. Тов. Хошка подчеркнулъ, что классовая ненависть и классовый страхъ имущихъ являются основой реакціонной политики. Полагаютъ, будто отдѣльныя лица или союзы могутъ совершить революцію. Когда же будутъ имѣться налицо соціальныя предпосылки, «то революція наступитъ, несмотря ни на какое подавленіе». Это доказала Россія. Мы стоимъ лицомъ къ лицу съ міровымъ голодомъ, который можетъ сдѣлаться матерью міровой революціи. Мы идемъ

---

[1]) Кличка, которую получили въ началѣ войны соціалъ-патріоты, говорившіе, что надо перемѣнить старые взгляды, «переучиться».

навстрѣчу грядущему со спокойствіемъ и рѣшимостью. Что бы ни случилось съ нами, когда дѣло идетъ о борьбѣ за наши убѣжденія, мы говоримъ вмѣстѣ съ Шиллеромъ:

«Жизнь—достояніе не высшее изъ всѣхъ» [1]). Настроеніе для революціи подготовляется сознаніемъ пролетаріата, что не отечество защищаетъ онъ, а истекаетъ кровью во имя имперіалистическихъ цѣлей. На Востокѣ это уже ясно,—это одна изъ заслугъ Троцкаго, разоблачившаго правительство передъ широкими массами. Кто не закрываетъ глазъ намѣренно, какъ правительственные соціалисты, тотъ уже давно долженъ бы знать, куда направляется германская политика!..

Т. Хошка перешелъ затѣмъ отъ внѣшней политики къ внутренней, соотвѣтствующей первой и являющейся лишь другою стороной классоваго господства и классовой политики. Онъ, заклеймилъ жалкія мѣропріятія, направленныя «на пользу широкихъ массъ», и воскликнулъ: «Время поддѣлокъ уже миновало. Политикою мелкихъ реформочекъ впередъ не подвинешься».

«Новая оріентація» въ Вюртембергѣ заключается въ двухъ новыхъ министрахъ, высокихъ налогахъ, да растущей дороговизнѣ. Простѣйшимъ и прямѣйшимъ путемъ изъ создавшагося положенія было бы объявленіе государственнаго банкротства. Но буржуазный міръ неспособенъ пойти по этому пути: на него могло бы вступить лишь соціалистическое правительство послѣ захвата пролетаріатомъ политической власти. Подчеркиваемый всѣми буржуазными ораторами дуализмъ между Пруссіей и остальной Германіей можетъ исчезнуть только послѣ устраненія пограничныхъ столбовъ между государствами, входящими въ германскій союзъ, послѣ установленія республики.

Далѣе т. Хошка требовалъ уничтоженія первой палаты ландтага, демократической избирательной реформы, съ предоставленіемъ права голоса и для женщинъ, основательной чистки въ области бюрократическаго хозяйничанія.

Жестоко бичевалъ онъ классовую юстицію, недостаточное пониманіе положенія и интересовъ пролетаріата и выразилъ убѣжденіе, что мы стоимъ наканунѣ новыхъ великихъ битвъ.

Рѣчь его заканчивается слѣдующими словами: «Я затрону лишь нѣкоторые основные вопросы, касающіеся политики страны, но я полагаю, что выводъ о томъ, какова будетъ наша позиція по отношенію ко всѣмъ этимъ вопросамъ, напрашивается самъ собой. Мы знаемъ, что въ настоящее время почва для нашихъ взглядовъ еще мало благопріятна: націонали-

---

[1]) «Мессинская невѣста»—Шиллера.

стическая рознь слишкомъ глубоко вошла въ народную жизнь. Для того, чтобы ее преодолѣть, требуется время. Всякіе заблужденія и предразсудки противъ насъ **не заставятъ, однако, отступить насъ ни на іоту, обстоятельства окажутся по обыкновенію сильнѣе, чѣмъ люди.** На этихъ развалинахъ, созданныхъ бойней, должна расцвѣсти и расцвѣтетъ новая жизнь. А потому, наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, мы скажемъ:

„Пусть міръ чертями будетъ полнъ.—
Удача будетъ съ нами"...

(Слова Лютера).

По нашему убѣжденію, **будущее принадлежитъ интернаціональному соціализму,** будущее принадлежитъ соціалистическому рабочему движенію».

Въ № 21 вышедшаго въ Штутгартѣ «Соціалъ-Демократа» цензоръ воздвигъ себѣ памятникъ. Страница 4-ая была бѣлая. Тамъ должна была быть напечатана рѣчь тов. Хошка, вычеркнутая заботливымъ цензоромъ. Ну, рабочіе-то все-таки прочтутъ ее. Вопреки цензору и на зло всему...

Глашатай въ борьбѣ.

Марксъ и парижская Коммуна [1]).

Среди другихъ обвиненій, предъявляемыхъ большевикамъ, замѣчанія, сдѣланныя г. Гансомъ Форстъ [2]), отпадаютъ сами собою: его указаніе, что большевики должны были бы отказаться отъ своего «безнадежнаго коммунизма» и совмѣстно со всей демократіей Россіи работать надъ спасеніемъ страны, является повтореніемъ уже извѣстнаго припѣва. Еще до войны онъ раздавался со страницъ «Berliner Tageblatt» и «Frankfurter Zeitung» по адресу нѣмецкой соціалъ-демократіи, которая встрѣчала его пренебрежительной ироніей.

До извѣстной степени сходнымъ съ этимъ упрекомъ, но производящимъ болѣе глубокое впечатлѣніе на нѣмецкій рабочій классъ является обвиненіе въ томъ, что большевики хотятъ основать соціалистическое общество въ странѣ, которая при 90 проц. крестьянъ едва насчитываетъ 10 проц. промышленныхъ рабочихъ. Это, молъ, дерзкая авантюра, которая должна кончиться постыднымъ крахомъ, она противорѣчитъ элементарнѣйшимъ понятіямъ марксизма. Пусть

---

[1]) Эта статья представляетъ собою четвертую изъ серіи статей историка германской соц.-демократіи Франца Меринга въ защиту большевизма.
[2]) Гансъ Форстъ—сотрудникъ «Berliner Tageblatt».

такъ, но если бы Марксъ могъ высказаться по этому поводу, онъ повторилъ бы, вѣроятно, сказанныя имъ нѣкогда слова: «если такъ, то я не марксистъ».

Дѣло въ томъ, что Марксъ никогда не разсматривалъ революціонное движеніе подъ угломъ зрѣнія старыхъ формъ. Онъ оцѣнивалъ каждую новую революцію съ точки зрѣнія того новаго опыта, который способствовалъ бы пролетарской борьбѣ за освобожденіе. И меньше всего могла бы остановить его мысль о возможности крушенія той или иной старой формулы.

Неоднократно упоминалось уже о томъ, что Марксъ послѣ паденія парижской Коммуны приписалъ заслуги ея Интернаціоналу. Мало кому извѣстно, однако, что онъ при этомъ отрекся отъ положенія, которое онъ защищалъ болѣе 20 лѣтъ, по поводу котораго велъ страстную полемику съ Бакунинымъ въ моментъ возникновенія парижской Коммуны. Извѣстно, что уже въ «Коммунистическомъ Манифестѣ» Марксъ требовалъ отъ рабочаго класса политической дѣятельности, для захвата государственной власти и превращенія такимъ путемъ буржуазнаго общества въ соціалистическое. А Бакунинъ считалъ политическую дѣятельность въ классовомъ государствѣ вѣчнымъ источникомъ разложенія и допускалъ ее лишь постольку, поскольку она направлялась на непосредственное ниспроверженіе государства.

Но было очевидно, что коммуна создалась по рецепту Бакунина; онъ говорилъ: «Я не понимаю, какъ можетъ именно Марксъ прославлять коммуну, которая дѣлаетъ какъ разъ то, что онъ осуждаетъ».

Марксъ подтвердилъ это мнѣніе, одобряя, однакожъ, всѣ мѣропріятія коммуны, направленныя на непосредственное упраздненіе государства, хотя бы они и оставались на бумагѣ. Упраздненіе постоянной арміи и полиціи, уничтоженіе власти поповъ и независимыхъ, оплачиваемыхъ государствомъ судей и пр. Но Марксъ прекрасно зналъ, что онъ дѣлалъ; исторія коммуны привела его къ убѣжденію, что недостаточно, какъ онъ того требовалъ еще въ «Коммунистическомъ Манифестѣ», овладѣть готовымъ механизмомъ государства и пустить его въ ходъ для цѣлей рабочаго класса. Старая государственная власть, которая представляетъ изъ себя паразитическій наростъ на организмѣ націи, должна быть прежде всего упразднена и замѣнена другою, въ корнѣ своемъ демократической организаціей. «Истинный смыслъ коммуны заключался въ томъ,—говоритъ Марксъ въ своемъ знаменитомъ трудѣ о парижскомъ возстаніи, — что она по существу являлась правительствомъ рабочаго класса, результатомъ борьбы класса производящаго съ классомъ присваивающимъ, тою новой политической формой, при которой

только и возможно экономическое освобожденіе рабочихъ». Марксъ и въ дальнѣйшемъ придерживался этого воззрѣнія и въ предисловіяхъ къ позднѣйшимъ изданіямъ «Коммунистическаго Манифеста» всегда подчеркивалъ, что изложенный въ этомъ трудѣ взглядъ на захватъ государственной власти рабочимъ классомъ долженъ быть видоизмѣненъ на основаніи опытовъ коммуны. Однако не слѣдуетъ упускать изъ виду, что парижская Коммуна не имѣла времени вполнѣ проявить себя, такъ она въ теченіе немногихъ недѣль своего существованія боролась не на жизнь, а на смерть. Эта борьба тормозила всѣ начинанія этой демократической организаціи, дѣятельность которой ограничивалась однимъ только городомъ.

Если Марксъ уже эти начинанія привѣтствовалъ съ горячимъ энтузіазмомъ, то легко представить себѣ, каково было бы его отношеніе къ Совѣтскому правительству, которое невиданнымъ въ міровой исторіи образомъ разрѣшило вопросъ о томъ, какъ широкія народныя массы великаго народа могутъ управлять и въ то же время быть управляемыми. Революціонный мыслитель представляетъ изъ себя нѣчто большее, чѣмъ то или иное положеніе, когда-либо выставленное имъ, и Марксъ былъ менѣе всего склоненъ придерживаться формулы, если она опровергалась фактами.

Впрочемъ, если Марксъ признавалъ, что подъ вліяніемъ обстоятельствъ революціонный классъ и можетъ добиться побѣды, прежде чѣмъ имѣются налицо необходимыя предпосылки этой побѣды, то все же онъ никогда не выводилъ отсюда того въ высшей степени невѣрнаго заключенія, что этотъ классъ долженъ поэтому предложить власть плетущемуся за нимъ классу, на манеръ вѣжливаго юноши, который говоритъ пожилому господину: «Пожалуйста проходите, я за вами, я еще слишкомъ юнъ, чтобы идти впередъ». Въ бальномъ залѣ это можетъ являться достойной подражанія любезностью, но въ исторической жизни такой поступокъ былъ бы совершенной нелѣпостью, которая, впрочемъ, никогда не встрѣчалась и не можетъ когда-либо встрѣтиться. Если Марксъ и Энгельсъ говорили о возможности преждевременнаго захвата власти, то все же они полагали, какъ я указывалъ въ предыдущихъ статьяхъ, **что надо ковать желѣзо, пока оно горячо.**

Статья о Совѣтской республикѣ, которая недавно появилась въ «Leipziger Volkszeitung» [1]), удачно доказывала на примѣрѣ русской революціи, гдѣ событія развиваются съ головокружительной быстротой, невозможность остановить революціонное движеніе на какой-либо теоретически желательной стадіи.

---

[1]) Указанная статья помѣщена выше.

Въ этой статьѣ указывается также на то, что начало русской революціи по ея внутренней причинной связи должно быть отнесено къ 1905 г. и что, если за эти 13 лѣтъ еще не обнаружились пагубныя вліянія того смертоноснаго яда, который будто бы таится въ ней въ видѣ противорѣчія между крестьянскими и пролетарскими интересами, то это противорѣчіе въ сущности и не является непреодолимымъ. Дѣйствительно, повидимому, Марксъ былъ правъ, когда въ проектировавшейся конституціи парижской коммуны онъ видѣлъ ту формулу, въ предѣлахъ которой могло бы осуществиться экономическое освобожденіе труда. При отсутствіи какого бы то ни было подражанія, развитіе Совѣтовъ диктовалось повелительными требованіями момента, **но въ существенномъ учрежденія эти соотвѣтствуютъ основной мысли коммуны.** Совѣты представляютъ собой органы **диктатуры пролетаріата,** являясь достаточно гибкими, чтобы предоставить свободу самопроявленія всѣмъ слоямъ трудящихся классовъ. Но это нисколько не тормозитъ ихъ дѣятельности, ибо въ сознательной рѣшимости, съ которой Совѣты проводятъ свои революціонныя мѣропріятія, они превосходятъ всѣ существовавшія до нихъ революціонныя правительства.

Францъ Мерингъ.

Итальянскіе соціалисты за большевиковъ.

Подъ такимъ заголовкомъ помѣщена въ «Петроградской Правдѣ» статья Анжелики Балабановой. Приводимъ нѣкоторыя выдержки изъ нея.

Въ рѣчи, произнесенной тов. Камковымъ 15 мая въ Ц. И. К. (объединенное засѣданіе съ московскимъ совѣтомъ), говоритъ тов. Балабанова, имѣется между прочимъ ссылка на то, что «въ Италіи соціалистическая партія, наиболѣе вѣрная завѣтамъ революціоннаго Интернаціонала, созвавшая первый Циммервальдъ, теперь повернула на путь оборончества, на который толкнулъ ее примѣръ русской революціи».

Несмотря на то, что выраженное тов. Камковымъ мнѣніе нисколько не соотвѣтствуетъ настоящему настроенію итальянской соціалистической партіи, удивляться въ наше время возникновенію подобныхъ ошибочныхъ выводовъ отнюдь не приходится, и не только потому, что итальянское движеніе принадлежитъ къ числу наименѣе извѣстныхъ, но еще и потому, что коалиція буржуазной прессы, тенденціозныя телеграфныя агентства, разсѣянные по всему міру агенты правительствъ неустанно работаютъ надъ искаженіемъ истины,

въ особенности когда рѣчь идетъ о цѣлой пролетарской партіи, остающейся въ самой строгой оппозиціи къ войнѣ и несокрушимо вѣрной Интернаціоналу.

Къ этому приходится прибавить и технически-политическія препятствія, лишающія въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ возможности слѣдить за событіями и прессой данной страны.

Распространенію самыхъ вульгарныхъ небылицъ въ Италіи способствуетъ и то обстоятельство, что ни въ одной странѣ бывшіе революціонеры съ такимъ цинизмомъ, съ такимъ безстыднымъ пресмыкательствомъ не перешли на сторону классовыхъ враговъ рабочихъ массъ, какъ въ Италіи. Рѣдко гдѣ они съ такой рабской ревностью выполняютъ свою предательскую обязанность: доносы и клевета на вчерашнихъ товарищей, оплевываніе и извращеніе идеала, которому вчера еще поклонялись, не знаетъ границъ.

Бывшіе соціалисты, синдикалисты, республиканцы, министры его величества короля Италіи, бывшіе жгучіе антимилитаристы, отбросы всѣхъ партій, разночинцы, вообще никому неизвѣстные «общественные дѣятели» слились въ одно цѣлое и образовали «Національный соціалистическій союзъ», главной цѣлью котораго является борьба съ «внутреннимъ врагомъ».

И ихъ-то буржуазная пресса цитируетъ теперь въ качествѣ выразителей соціалистической мысли.

Поступать такимъ образомъ тѣмъ легче, что большинство соціалистовъ изъяты изъ обращенія, если не войной, то тюрьмой, лѣвая соціалистическая пресса подвержена самой строгой цензурѣ (ц. о. партіи, «Аванти», запрещенъ въ 19-ти провинціяхъ).

Вслѣдъ за партійнымъ секретаремъ Лоццари, осужденнымъ на три года, такой же карѣ подвергся второй секретарь ц. к. Бомбачи, заявившій, что онъ беретъ на себя отвѣтственность и за все вмѣняемое въ вину Лоццари и остальнымъ членамъ ц. к. Велла, бывшій секретарь партіи, находящійся уже болѣе двухъ лѣтъ на войнѣ, привлеченъ къ военному суду за выраженную имъ солидарность съ остальными членами ц. к. Серрати, редакторъ «Аванти» и членъ ц. к., на-дняхъ посаженъ въ римскую тюрьму и привлеченъ къ военному суду за организацію туринскихъ демонстрацій противъ войны. За участіе въ этихъ же демонстраціяхъ приговорены къ тюремному заключенію болѣе 300 соціалистовъ.

Среди главныхъ обвиняемыхъ находится и членъ ц. к. Барберисъ. Изъ остальныхъ членовъ ц. к. привлекаютъ къ суду еще Баччи и Балабанову, такъ что изъ членовъ ц. к., не изъятыхъ изъ обращенія, несмотря на постоянное пополненіе его, осталось лишь два или три.

Но всѣ эти репрессіи не въ состояніи подавить тяготѣнія къ интернаціонализму со стороны итальянскихъ товарищей. Какъ разъ наоборотъ. Въ высшей степени показательными въ этомъ отношеніи являются гоненія на соціалистическую молодежь, которую поголовно посылаютъ на фронтъ или въ тюрьму... Количество жертвъ кровавой бойни и ужаснаго тюремнаго режима все увеличивается. «Аванти» почти каждый день печатаетъ корреспонденціи юношескихъ организацій съ перечнемъ убитыхъ на войнѣ членовъ. Тѣхъ изъ соціалистовъ, главнымъ образомъ женщинъ, которыхъ на войну послать нельзя, ссылаютъ на острова, интернируютъ, какъ это случилось недавно съ членомъ комитета миланской секціи соц.-дем. партіи, учительницей Занеттой и секретаремъ той же организаціи Фортикьяри. Несмотря на все это, юношескія и партійныя организаціи пользуются всякимъ случаемъ, всякимъ поводомъ, всякимъ клочкомъ пропущенной цензурой бумаги, чтобы призывать къ самой непримиримой классовой борьбѣ.

Въ сегодняшней бѣглой статейкѣ мы ограничимся перечнемъ нѣскольких фактовъ въ доказательство того, какъ неосновательно предположеніе, что событія въ Россіи, русская революція или даже тяжелый брестскій миръ, въ какой бы то ни было степени отрицательно повліяли на сознательныя массы или партійные круги Италіи. Такого рода утвержденіе стоитъ въ абсолютномъ противорѣчіи съ истиннымъ настроеніемъ соціалистическихъ и революціонныхъ вообще круговъ Италіи. Ни въ одной странѣ соціалистическая партія въ ея цѣломъ не выражала такой горячей безусловной солидарности съ русскими интернаціоналистами вообще и русскимъ пролетарскимъ правительствомъ въ частности, какъ въ Италіи.

Не проходитъ буквально дня, чтобы въ партійныхъ газетахъ въ большихъ центрахъ и провинціи, въ городахъ и деревняхъ, въ томъ или другомъ видѣ, по тому или другому поводу, не выражалась горячая симпатія и солидарность съ русскимъ пролетарскимъ правительствомъ.

Буржуазная и псевдореволюціонная пресса не даромъ окрестила итальянскихъ соціалистовъ «большевиками» и «ленинцами». Въ вопросѣ о томъ, какъ относиться къ создавшемуся для пролетаріата всѣхъ странъ, и Россіи въ особенности, положенію и къ вытекающимъ изъ него для интернаціоналистовъ обязанностямъ и перспективамъ, среди подавляющей части партіи двухъ мнѣній быть не можетъ... ни до, ни послѣ брестскаго мира.

7 мая, послѣ брестскаго мира и важнѣйшихъ событій въ Россіи, въ теченіе которыхъ «Аванти» день за днемъ защищалъ товарищей-большевиковъ и ихъ точку зрѣнія,

членъ ц. к. Беллони въ передовой статьѣ того же «Аванти» подъ заглавіемъ: «Ленинъ и русскій пролетаріатъ», писалъ между прочимъ:

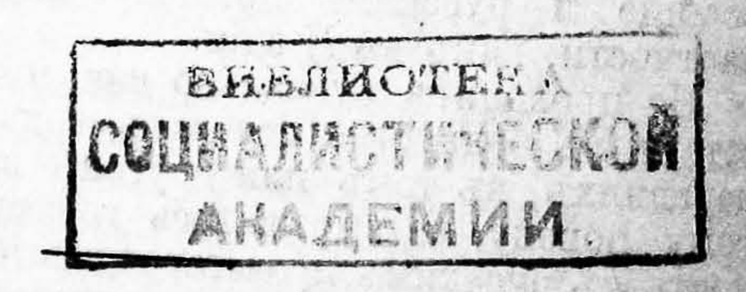
«Ленинъ, распуская Учредительное Собраніе, спасъ пролетарское движеніе. Демократическое Учредительное Собраніе означало уничтоженіе Совѣтовъ и разоруженіе трудящихся массъ, которыя вырвали оружіе у царизма не для того, чтобы выполнять взятыя на себя царизмомъ обязательства и не для того, чтобы уступить ихъ правительству, которое подъ соціалистическимъ и демократическимъ ярлыкомъ, прибѣгая ко всякаго рода парламентскимъ пріемамъ, въ сущности служило бы лишь интересамъ тѣхъ, которые эксплуатируютъ пролетаріатъ. Ленинъ во что бы то ни стало захотѣлъ удержать у власти пролетаріатъ, тотъ самый русскій пролетаріатъ, который при паденіи царизма и за отсутствіемъ демократическаго буржуазнаго государства создалъ Совѣты, т.-е. пролетарско-соціалистическое государство».

Авторъ указываетъ далѣе, что какъ разъ то, что ставится Ленину въ вину принадлежащими къ другимъ фракціямъ русскихъ соціалистовъ, является точнымъ проведеніемъ въ жизнь штутгартской и базельской резолюцій.

Диктатура русскаго пролетаріата есть результатъ общаго развитія, опредѣляющаго форму правительства, который данный классъ въ состояніи себѣ создать въ опредѣленныхъ условіяхъ.

Ленинская диктатура не есть его произведеніе, а результатъ историческаго развитія

Надежды пролетаріата всего міра обращены на Россію.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. домъ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Всероссійск. Центральн. Исполнит. Комитета Совѣтовъ Раб., С., К. и К. Депутатовъ.

1.	Л. ТРОЦКІЙ.	Красная Армія.	— р. 50 к.
2.	—	В. Ульяновъ (Н. Ленинъ). Краткая біографія.	— „ 5 „
3.	Я. БУРОВЪ.	Что означаетъ законъ о свободѣ совѣсти.	— „ 20 „
4.	М. ПАВЛОВИЧЪ.	Борьба за черный континентъ.	2 „ — „
5.	М. ПАВЛОВИЧЪ.	Итоги міровой войны.	2 „ 50 „
6.	М. ПАВЛОВИЧЪ.	Брестскій миръ и задачи экономич. возрожденія Россіи.	2 „ — „
7.	—	Декреты и положенія по Красной Арміи.	— „ 55 „
8.	В. ЛИБКНЕХТЪ.	Пауки и мухи.	— „ 10 „
9.	В. КАРПИНСКІЙ.	Какъ тульскій мужикъ уму-разуму научился.	— „ 30 „
10.	Е. ЯРОСЛАВСКІЙ.	Отецъ и сынъ. (Вильг. Либкнехтъ и К. Либкнехтъ).	— „ 10 „
11.	Е. ЯРОСЛАВСКІЙ.	Фридрихъ Энгельсъ и Карлъ Марксъ.	— „ 10 „
12.	Г. ПЛЕХАНОВЪ.	Основные вопросы марксизма.	1 „ 50 „
13.	Н. ЛЕНИНЪ.	Очередныя задачи совѣтской власти.	— „ 50 „
14.	Н. ЛЕНИНЪ.	Борьба за хлѣбъ.	— „ 50 „
15.	Г. ЗИНОВЬЕВЪ.	Контръ-революція, и задачи рабочихъ.	— „ 25 „
16.	В. БЛОСЪ.	Исторія Великой французской революціи.	4 „ 50 „
17.	А. АРНУ.	Народная исторія Парижской Коммуны.	2 „ 50 „
18.	К. КАУТСКІЙ.	Экономическое ученіе К. Маркса.	2 „ — „
19.	Ф. ЭНГЕЛЬСЪ.	Происхожденіе семьи, частной собственности и государства.	1 „ 20 „
20.	Е. ЯРОСЛАВСКІЙ.	Августъ Бебель.	— „ 10 „
21.	Д. БѢДНЫЙ.	О попѣ Панкратѣ, теткѣ Домнѣ и зеленной иконѣ въ Коломнѣ.	1 „ — „
22.	Л. ТРОЦКІЙ.	Международное положеніе и Красная Армія.	— „ 40 „
23.	Ф. ЭНГЕЛЬСЪ.	Развитіе соціализма отъ утопіи къ наукѣ.	— „ 50 „
24.	В. КАРПИНСКІЙ.	Въ походъ противъ царя-Голода.	— „ 40 „
25.	В. КАРПИНСКІЙ.	Съ кѣмъ же вы, крестьяне.	— „ 10 „
26.	Л. СОСНОВСКІЙ.	Весь хлѣбъ всему народу.	— „ 40 „
27.	Г. УСТИНОВЪ.	Меньшевики, правые эсъ-эры и контръ-революція.	— „ 40 „
28.	Н. ЛЕНИНЪ.	Очередныя задачи Совѣтской власти. 2-е изданіе.	— „ 50 „
29.	А. АРНУ.	Мертвецы Коммуны.	— „ 10 „
30.	В. КЕРЖЕНЦЕВЪ.	Революціонная Ирландія.	— „ — „
31.	Г. УСТИНОВЪ.	Крушеніе партіи лѣвыхъ эсъ-эровъ.	— „ 30 „
32.	А. ДИНШТЕЙНЪ.	Кто чѣмъ живетъ.	— „ 50 „
33.	Б. СВИДЕРСКІЙ.	Трудъ и капиталъ.	— „ — „
34.	І. МАРХЛЕВСКІЙ.	Что такое политическая экономія.	— „ — „
35.	П. ЛАФАРГЪ.	Патріотизмъ буржуазіи.	— „ 25 „

Издательство Всер. Ц. И. К. Москва, Тверская, 11.